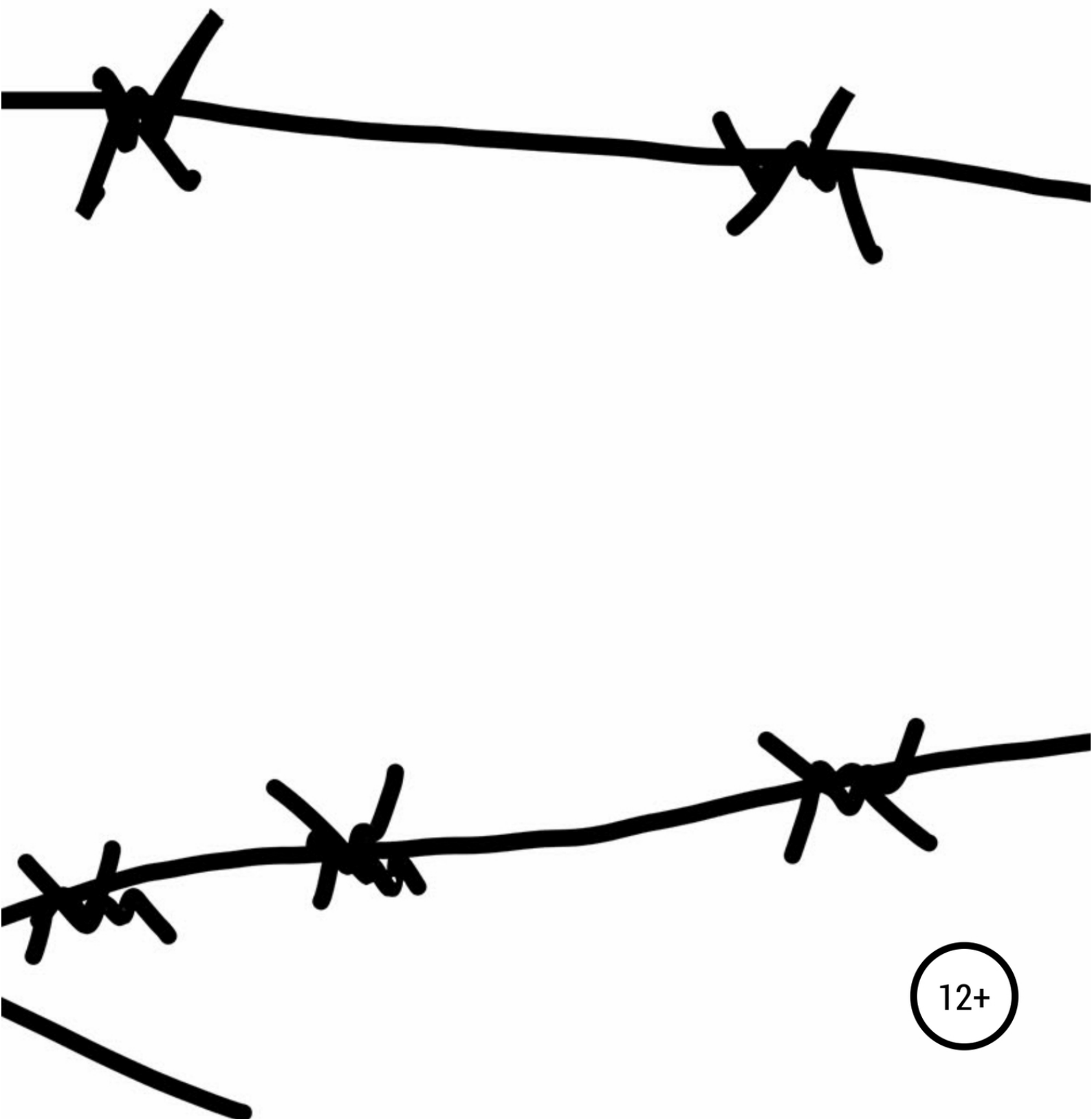

Александр Аввакумов

Судьба солдата

12+

Александр Аввакумов

Судьба солдата

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Аввакумов А. Л.

Судьба солдата / А. Л. Аввакумов — «ЛитРес: Самиздат», 2011

В своей книге «Судьба солдата» Александр Аввакумов словами своего героя передает оценку военных действий отдельных подразделений Советской Армии в Афганистане, их командиров, наглядно показывает и героев, и тех, кто мешал становиться героями. В книге описано отношение к «афганцам», вернувшимся с войны, руководителей отдельных предприятий, правильно отмечает факты замалчивания об этой войне, что после мешало правильно оформить пенсию, быть признанным участником боевых действий. Но никто не должен считать этот взгляд единственно возможным и правильным.

Содержание

Предисловие к роману «Судьба солдата»	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Предисловие к роману «Судьба солдата»

Афганистан. Где бы это слово ни прозвучало, последние годы оно вызывает у многих в нашей стране и за ее рубежами различные размышления, ассоциации и воспоминания.

Для многих семей Афганистан – незатихающая боль и страдания. В гражданской войне 80-х годов, в которой пришлось принимать непосредственное участие войскам Министерства обороны Советского Союза и работникам иных ведомств и учреждений, погибли и искалечены физически и духовно многие сотни тысяч молодых жизней. Для самих афганцев произошедшие события после Апрельской революции 1978 года и продолжающиеся до наших дней – трагедия.

Об Афганистане написано немало книг. Тем не менее, Александра Аввакумова это не смутило. Есть среди этих книг объективные и интересные, составленные историками и генералами, писателями и журналистами. В некоторых присутствует анализ боевых действий, в других – приведены ранее не известные документы. Не со всеми суждениями этих авторов можно согласиться, такова тема – сложная и небесспорная. Через Афганистан прошли сотни тысяч солдат и офицеров Советской Армии, в том числе и офицеры запаса, вызванные на якобы военные сборы, но затем оказавшиеся на территории Афганистана и показавшие себя по-настоящему подготовленными специалистами для участия в военных операциях.

В афганской войне принимали участие военнослужащие и сотрудники многих силовых ведомств – КГБ, МВД СССР и других. Мало кто из авторов книг описывает их деятельность в составе советнических аппаратов во всех силовых ведомствах Афганистана и в оперативных отрядах специального назначения «Зенит» и «Кобальт», а ведь во многих случаях войсковые операции Советской Армии проводились по оперативным данным сотрудников этих отрядов и советников.

Поэтому у каждого своя оценка, свои воспоминания. «Афганский узел» вобрал в себя и причудливо запутал множество нитей, в каждой из которых – своя частичка правды.

В своей книге «Судьба солдата» Александр Аввакумов словами своего героя передает правдивую оценку военных действий отдельных подразделений Советской Армии, их командиров, наглядно показывает и героев, и тех, кто мешал им становиться героями.

Автор правдиво оценивает и отношение к «афганцам», вернувшимся с войны руководителей отдельных предприятий, правильно отмечает факты замалчивания об этой войне, что после мешало правильно оформить пенсию, быть признанным участником боевых действий. Не каждый может в полной мере и с должной компетентностью оценить те или иные решения и действия. Но никто не должен считать этот взгляд единственно возможным и правильным.

И пусть на опыте воинов-интернационалистов, на опыте ветеранов Великой Отечественной войны и тех, кто, пройдя через афганскую войну, продолжает служить Родине – учится, и воспитывается молодежь.

Я выражаю сердечную признательность автору книги за патриотизм и духовность, которые он вложил в страницы этой книги. Спасибо вам, как автору и как патриоту России.

Пусть эта книга будет памятью павшим и предупреждением живым.

В. Б. Турбин,

Генерал-лейтенант внутренней службы, Председатель Общероссийской общественной организации – Ассоциации ветеранов боевых действий органов внутренних дел и внутренних войск России

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Случайная встреча

Шел шестой год этой непонятной для него войны в Афганистане. Сейчас уже никто не говорил об исполнении интернационального долга – ни генералы, ни простые солдаты. Каждый нормальный человек, оказавшись здесь, мечтал выжить любой ценой, и все разговоры солдат крутились вокруг одного вопроса – возвращения домой.

Полуденный зной просто изматывал старшего лейтенанта Крылова. Открытое окно автомашины, словно открытый рот человека, всасывало в себя жар от уличных строений, дорожную пыль, от которых не было спасения. По мокрому лбу старшего лейтенанта тонкими ручейками стекал пот, оставляя на лице светлые борозды.

«Сейчас бы искупаться», – с неким блаженством подумал офицер и посмотрел на сосредоточенное лицо водителя.

Крылов ехал в кабине ЗИЛа и вглядывался в настороженные лица попадавшихся ему навстречу афганцев. Многие из них при виде военной автомашины прижимались к стенам домов и отворачивались, чтобы он не видел их искаженные злобой лица. Другие же просто пытались скрыться в первом же попавшемся переулке, прячась от его настороженного взгляда. Ни он, ни водитель, так лихо управлявший грузовиком в этих узких улочках, не знали, о чем думали эти люди. Некоторые из них не скрывали своих дружеских улыбок, приветливо махали им рукой, другие же мечтали вонзить в их спины свои остро отточенные ножи.

Оперативная обстановка в Афганистане была похожа на цветное лоскутное одеяло. В отдельных провинциях процветала мирная жизнь. Там наши военные строители прокладывали дороги, тянули трубопроводы с питьевой водой в некогда засушливые районы. В других же провинциях шли упорные бои за контроль над дорогами. Тот, кто осуществлял этот контроль, тот и был истинным хозяином данной провинции, района и города.

Официальные власти Кабула осуществляли свой контроль над населением лишь в тех городах, где размещались крупные гарнизоны Советских войск и местной милиции. Вся же остальная территория страны находилась под контролем моджахедов, или, как их называли официальные власти, мятежников. Сейчас это понимали все, и громкие слова об интернациональной помощи были просто всеми забыты. Война стала приобретать для нас совершенно другой характер, и этим характером была месть. Солдаты мстили за своих погибших товарищей и друзей, за свои искалеченные войной судьбы. Постепенно все пришло в состояние равновесия, они убивали нас, видя в нас захватчиков, мы же убивали их за гибель наших товарищей.

Грузовик резко затормозил. Крылов не ожидал этого и сильно ударился лбом о лобовое стекло автомашины.

– Что, дрова везешь?! – со злостью спросил я водителя. – Так и голову разбить можно!

– Да вон, товарищ старший лейтенант, мальчишка чуть под колеса не угодил, – оправдываясь, ответил водитель и пальцем показал на мальчика пяти-шести лет, босоногого, одетого в рубашку до колен, который стоял в метрах трех от машины и с любопытством рассматривал людей, находящихся в кабине грузовика.

Водитель приоткрыл дверь машины и погрозил ему пальцем. Дети, игравшие в стороне от дороги, вскочили на ноги и, крича какие-то обидные для нас слова на непонятном нам языке, устремлялись за машиной, бросая в нее камни.

– Вот зверьки-то, – произнес водитель. – Видно, правильно люди говорят, сколько волка не корми, он все в лес смотрит.

– Ты знаешь, Васильев, куском хлеба этот народ не купишь. Они около ста лет воевали с англичанами за свою свободу. Им свобода намного важнее нашего хлеба.

– Вот, тогда скажите, старший лейтенант, – обратился он к нему, – что мы делаем в этой стране, если они против нашего здесь присутствия? Только не нужно говорить, что мы здесь выполняем свой интернациональный долг. Да и вы, наверное, уже давно в это не верите. Я как-то спросил об этом нашего замполита, но тот послал меня подальше с этим вопросом и ничего мне не ответил.

Крылов посмотрел внимательно на водителя и если бы не знал его, то посчитал бы заданный им вопрос, простой провокацией.

– Ты знаешь, Васильев, есть такое большое и очень весомое в жизни военного слово – присяга. Вот она и заставляет меня быть здесь. Я человек военный и не привык обсуждать приказы своих командиров. Несмотря на то, что я – ваш командир, могу сказать тебе одно, что я не владею всей информацией, позволяющей мне судить, правильно или неправильно мы тут находимся. Если Родина послала нас с тобой сюда, значит ей это нужно, чтобы мы с тобой были в Афганистане, а не где-то в другом месте. Понял?

Навстречу автомашине попала арба, запряженная тощим верблюдом. Горб верблюда, словно пустой мешок, мотался где-то сбоку. Извозчик попытался освободить грузовику дорогу, но упрямый верблюд не хотел сворачивать в сторону и, словно «камикадзе», шел посреди дороги с явным намерением помериться силой с железной машиной.

– Товарищ старший лейтенант! Он, что слепой? Не видит, что ли, машину? – выругавшись матом, произнес водитель. – Сейчас я с ним поговорю.

Однако стоило им только остановиться, как около автомашины моментально образовалась большая толпа из местных жителей. Афганцы что-то стали кричать, размахивать руками, и было не совсем понятно, то ли они возмущены их действиями, то ли стараются им что-то подсказать. Несмотря на достаточный опыт общения с местным населением, Крылов открыл дверь кабины машины и вышел из нее. Это была явная ошибка офицера. Его моментально окружила толпа.

– Граждане! Освободите дорогу! – громко крикнул он. – Освободите дорогу!

Однако, его призыв моментально утонул в шуме толпы. Он попытался вернуться к машине, но толпа не давала ему этой возможности.

– Костя! – закричал он сопровождающему его солдату. – Приготовь автомат! Черт знает, что у них на уме. Если что, стреляй!

Костя – солдат-первогодок, небольшого роста, испугано вертел головой, сжимая в руках автомат. Он совсем недавно, последним призывом, прибыл в Афганистан и поэтому еще не знал всех особенностей этой чужой для него страны. Он удивленно посмотрел в сторону офицера.

– Отойди! – истошно закричал он и передернул затвор автомата.

Тем временем страсти вокруг машины стали заметно накаляться. Кто-то из толпы бросил в Крылова камень, который угодил ему в грудь. Второй камень попал в лобовое стекло автомашины. Офицер расстегнул кобуру и достал пистолет. Снова в него полетел камень, запущенный кем-то из толпы. В этот раз Крылов увернулся от него, и он угодил в голову маленького мальчика, крутившегося около него. Мальчик упал на землю. Из пробитой головы заструилась алая кровь. Вид крови еще больше возбудил толпу. Теперь они уже пытались ударить его своими палками.

– Вот гады! – прохрипел Васильев. – Да я вас сейчас!!!

Водитель выхватил гранату и, вырвав из нее чеку, размахнулся. Толпа на какой-то миг отхлынула от машины, и этого оказалось вполне достаточно, чтобы Крылов успел схватить автомат, который лежал на сиденье кабины. Он быстро передернул затвор и дал короткую очередь в воздух. По крылу автомашины застучали яркие желтые гильзы. Крылов направил автомат на испуганную толпу, которая стала быстро уменьшаться прямо у них на глазах.

Водитель, успевший к этому моменту вставить чеку обратно в гранату, тоже поднял автомат.

– погоди, Васильев, не дергайся, – произнес Крылов, увидев среди разбегающейся толпы людей, одетых в серую форму местной полиции. – Сейчас они быстро разберутся и освободят нам дорогу.

Вскоре около автомашины остался только наряд местной милиции из пяти человек. Один из них сделал им знак рукой, и они поехали дальше.

* * *

Они быстро добрались до расположения штаба парашютно-десантного полка, который дислоцировался на окраине Кандагара. Оставив машину около ворот контрольно-пропускного пункта, Крылов быстро вбежал на второй этаж небольшого двухэтажного здания. Насколько он знал со слов офицеров, в этом небольшом здании ранее находился какой-то административный отдел местной правящей партии. Пройдя по коридору, он остановился около выкрашенной белой краской двери. Сделав два глубоких выдоха, он толкнул дверь и вошел в небольшую комнату, в которой за столом сидел капитан и что-то стучал одним пальцем по клавиатуре пишущей машинки.

– Привет! Скажи, начальство у себя? – поинтересовался он у капитана.

– А, это ты, Крылов? – спросил офицер, оторвавшись от работы. – Давай, заходи. Отцы-командиры уже давно ждут тебя. Не удивляйся, у «Бати» представитель штаба дивизии. А что так долго добирался?

– Да местные дехкане перекрыли дорогу, пришлось стрелять, чтобы проехать.

– Я так и думал. Скоро они нас вообще заблокируют в этом городе.

Крылов глубоко вздохнул и постучал в дверь. Услышав голос командира полка, он открыл дверь и вошел в небольшой кабинет. В помещении, помимо командира полка, находились еще два человека – один был в полевой форме генерала, второй – полковника.

– Товарищ генерал! Разрешите обратиться к командиру полка! – произнес Крылов, вытянувшись по стойке «смирно».

– Обращайтесь, – ответил генерал и внимательно посмотрел на молодого офицера. На внешний вид Крылову было лет двадцать пять—двадцать семь. Он был среднего роста, широк в плечах. Генерал невольно обратил свое внимание на мощную грудь и сильные руки, которые могли легко завязать кочергу узлом.

«Сильный парень», – подумал он и стал продолжать, молча изучать внешность офицера.

Крылов доложил командиру полка о своем прибытии. Тот, улыбаясь, представил его генералу и полковнику.

– Значит, это вы, старший лейтенант Крылов, в настоящее время исполняете обязанности командира специальной разведывательной группы полка?

– Так точно, товарищ генерал, – четко отрапортовал офицер.

– Тогда присаживайся к столу и слушай меня внимательно, – как-то совсем по-простому предложил он Крылову. – Тебе поручается особое задание, старший лейтенант, оно сложное и опасное.

Крылов внимательно посмотрел на генерала. Генералу было около пятидесяти лет. Его светлые редящие волосы были зачесаны назад. Судя по складкам у рта, это был волевой и властный по характеру человек. В его небольших глазах серого цвета жил какой-то внутренний холод, от которого становилось как-то не по себе.

Генерал расстелил на столе карту и, взяв из стоявшей на столе гильзы остро заточенный карандаш, начал ставить задачу разведгруппе.

Задача, изложенная генералом, была довольно сложной и опасной. Крылову поручалось возглавить поисковую группу численностью в двадцать человек, которая должна была высадиться в глубоком тылу моджахедов, где-то в пятнадцати километрах от границы с Пакиста-

ном. Там, среди гор, кишевших моджахедами, они должны были найти и доставить в штаб дивизии особо важный груз, а если точнее – представителя Главного политуправления Советской Армии полковника Грачева.

Накануне вертолет, в котором летел этот полковник, попал под сильный и плотный огонь крупнокалиберных пулеметов моджахедов, загорелся и вынужден был совершить аварийную посадку недалеко от границы с Пакистаном. Летчикам кое-как удалось удержать машину от падения и посадить горящий и неуправляемый вертолет среди гор. Единственное, что было известно штабу 54-ой армии, это координаты посадки, которые успели сообщить летчики сбитого вертолета. Высланный сегодня на рассвете за ними вертолет тоже не вернулся на аэродром. Что случилось с его экипажем, никто не знал. Смог ли он найти сбитых летчиков и полковника Грачева – сведений не было. Проведенная авиационная разведка обнаружила остатки двух сбитых машин и около одного из вертолетов засекала происходящий бой.

Генерал отложил карандаш в сторону и посмотрел на офицера.

– Крылов! Твоей группе будет необходимо тщательно прочесать весь этот район. Я пока считаю, что экипажу удалось оторваться от моджахедов и уйти в горы. Другого пути у них там просто не было. Если это так, то они могли направиться, лишь в одну сторону, вот сюда, на юго-запад.

Он снова взял в руки карандаш и отметил на карте место возможного их нахождения.

– В километрах ста пятидесяти от этого места проходит старая дорога на Кандагар, которую пока контролируем мы. Больше им идти некуда, здесь – Пакистан, а здесь – непроходимые горы, в которых без соответствующей подготовки не пройти.

Крылов внимательно следил за карандашом генерала и изредка бросал взгляд на свою карту, на которой он автоматически отмечал предполагаемый путь отхода летчиков. Неожиданно грифель карандаша генерала сломался. Он раздраженно швырнул его в сторону и снова посмотрел на офицера. Сделав небольшую паузу, он продолжил:

– Вот здесь видишь, Крылов, речка делает крутой поворот и этого места им никак не миновать. Это хорошо знаем и понимаем и мы, и моджахеды, поэтому, я думаю, они обязательно организуют на этом месте свою засаду. Они будут гнать наших туда, чтобы легко их захватить. Здесь их и нужно вам встречать или ждать. Заруби себе на носу, Крылов, ты должен их найти и живыми доставить сюда, в штаб дивизии. Полковник Грачев не должен попасть им руки! Вы поняли меня?

– Так точно, товарищ генерал, – громко ответил он и вскочил с табурета. – Есть, доставить полковника Грачева в штаб дивизии.

– Сиди, старший лейтенант, не дергайся. Я надеюсь на тебя, – произнес он тихо. – Ко мне обратился очень уважаемый мной человек, имя которого я не буду называть и попросил меня спасти этого полковника любой ценой. А я прошу это сделать тебя. Как, твои люди, готовы они выполнить это задание?

– Так точно, товарищ генерал, – снова вскочил он на ноги. – Люди в отряде надежные, не раз были на «дороге», имеют большой боевой опыт в горах. Я в них уверен, как в себе.

– Это хорошо, что ты в них веришь, Крылов. Как долго воюешь, старший лейтенант? – поинтересовался он у него.

– Больше двух лет, товарищ генерал.

– А орден за что получил? – спросил он Крылова, рассматривая на его груди, матово блестящий орден Красной Звезды.

– За караван с оружием, товарищ генерал.

Генерал, подошел к нему и уже в который раз внимательно посмотрел ему в глаза.

– Вернешь Грачева, получишь орден, я тебе это обещаю, старший лейтенант. И еще одно: верни своих бойцов их матерям и женам, если, конечно, это получится. Лишние потери нам не нужны. А теперь, самое главное. Пока ты не найдешь полковника, не возвращайся. Насколько

нам известно, из сегодняшних радиоперехватов разведки, спецслужбы Пакистана и США уже в курсе всех этих событий. Они почему-то считают полковника Грачева представителем Генерального штаба Министерства обороны СССР и сейчас предпринимают определенные меры к его розыску. Ты его должен найти раньше, чем они.

– Я постараюсь оправдать ваши надежды, товарищ генерал, – произнес Крылов.

– И еще. Выход в эфир только в определенное время. Никакой самодеятельности, которая может отразиться на результатах действий твоей группы.

Генерал пожал руку Крылову, давая всем понять, что аудиенция закончена.

– Можно один вопрос, товарищ генерал? Скажите, полковника Грачева случайно зовут не Антоном Сергеевичем?

Генерал оторвал свой взгляд от карты и удивленно посмотрел на него.

– Да. А ты его откуда знаешь, Крылов?

– Да мы вместе с ним служили в Витебске. Он был у нас замполитом батальона.

– Если это так, тогда мне не нужно тебе объяснять, почему ты должен разыскать этого полковника. Ты наверняка и без меня все знаешь?

– Разрешите исполнять?

Генерал махнул рукой. Крылов положил карту в летную планшетку и направился к двери. Около двери его перехватил начальник узла связи, вошедший в кабинет.

– Крылов! Вот возьми, – произнес он и протянул ему небольшой кусочек бумаги. – Это твои новые частоты, позывные и время выхода в эфир. Старайся говорить меньше, чтобы они не засекли вашу группу. Надеюсь, у тебя в группе опытный радист?

– Есть говорить меньше, товарищ майор, – ответил офицер. – А радист у меня – Бог в своем деле.

– Вот и хорошо.

Крылов приложил руку к панаме и, развернувшись через левое плечо, вышел из кабинета. Он вышел во двор и, достав сигарету, закурил.

«Кого брать на эту операцию? – подумал он. – Едва ли эта «прогулка» окажется приятной и увлекательной».

– Что загрустил, Крылов? – обратился к нему знакомый майор.

Это был командир батальона мотострелкового полка, расквартированного недалеко от места дислокации его отряда.

– Да радоваться пока нечему, товарищ майор, – ответил Александр ему. – Отцы-командиры озадачили...

– Ты не прав, Крылов, – ответил майор. – Ты должен радоваться только тому, что еще живой и не искалеченный. Ты только посмотри, сколько молодых парней лежит в госпитале. У кого нет ноги, у кого руки. А ты здоров, и этому нужно радоваться.

Старший лейтенант невольно улыбнулся и посмотрел на майора.

«А ведь майор прав. Пока я живой, я должен каждый день наслаждаться и радоваться этой жизни», – подумал он и улыбнулся.

– Вот, так-то лучше, – произнес майор и, открыв дверь штаба, скрылся за ней.

Крылов прошел мимо часовых, стоявших у ворот, и направился к ожидавшей его автомашине.

– На базу! – приказал он водителю.

Машина, поднимая клубы серой пыли и пугая местных длинноногих кур шумом двигателя, помчалась по улицам города.

* * *

Крылов сидел рядом с водителем. Заходящее за горы солнце било ему в глаза, заставляя постоянно щуриться. Он закрыл глаза и перестал обращать внимание на снующих по дороге афганцев. Воспоминания волна за волной накатывали на него, возвращая в прошлую жизнь,

которая сейчас была отчетливо разделена этой войной на ту, что была ранее, и настоящую. Он хорошо помнил день и час, когда Антон Сергеевич Грачев не вошел, а, скорее, ворвался в его жизнь, уничтожив в ней все, чем он когда-то так дорожил.

Машину сильно трянуло на ухабе. Он интуитивно уперся руками в лобовое стекло, и это спасло его от очередного удара лбом.

– Куда гонишь? – произнес Крылов.

Водитель искоса посмотрел в его сторону, ожидая, по всей вероятности, очередного заряда мата. Однако Крылов промолчал. Его мысли сейчас были далеко от этого афганского города.

Он встретился с Катей случайно, на танцевальной площадке Парка имени Горького.

«О Боже, как давно это было, четыре года назад», – подумал Александр.

Тогда он учился в Рязанском воздушно-десантном училище, а она была студенткой четвертого курса Казанского медицинского института. Катя была яркой и красивой девушкой, очень похожей на какую-то иностранную актрису. У нее было все, что делает девушку неотразимой – черные, как смоль, густые волосы и яркие зеленые глаза, которые, как она потом ему рассказала, достались ей от бабушки. Несмотря на ее яркую красоту, она стояла, одиноко прижавшись к ограждению танцевальной площадки, и следила за своими танцующими подругами.

– Саша! Кто эта девушка в голубеньком платье? Ну, вон та, что стоит у забора?

Сашка – его приятель по школе и двору пожал плечами.

– Откуда я знаю, Крылов. Я в этом году впервые пришел сюда на танцы. А что, понравилась? Да, красивая девушка...

– Согласен. Я за ней вот уже полчаса наблюдаю и никак не пойму – всех ее подруг приглашают на танцы, а ее почему-то нет. Странно.

Товарищ снова взглянул на нее, и словно подводя итог разговору, произнес:

– Что ты на нее уставился, Крылов? Не знаю, но я бы к ней тоже не подошел. Ты только посмотри, как она смотрит на всех.

– Не знаю, как ты, а я рискну. Если откажет, не умру, но попытаюсь – попытаюсь.

На танцевальной площадке снова зазвучала медленная музыка. Крылов, расталкивая танцующие пары, и, не обращая внимания на их ворчание, устремился к ней.

– Здравствуйте. Девушка, можно вас пригласить на танец? – спросил он ее и протянул ей свою руку.

Она оценивающе посмотрела на него и неожиданно протянула свою руку.

– Хорошо. Пойдемте, потанцуем...

От внезапно свалившегося на него везения он на какой-то миг растерялся. Крылов никогда не считал себя красавцем и под ее оценивающим взглядом почувствовал себя каким-то маленьким и никчемным пигмеем.

– А вы неплохо танцуете, – прижавшись к нему всем телом, произнесла она. – Где вы так хорошо научились танцевать? Сейчас редко кто из ребят умеет вальсировать.

– Я когда-то в детстве занимался бальными танцами. Думал, что все забыл, а оказывается, ноги сами все делают за меня. Видно, правду люди говорят, что талант не пропьешь.

Она громко засмеялась, блеснув красивыми белыми и ровными зубами.

– Скажите, как вас зовут? – первой поинтересовалась она у него. – Меня звать Екатериной, а вас?

– Красивое у вас имя – царское. А меня – Александр.

– У вас тоже непростое имя. Скажите, Саша, что-то я вас никак не припомню. Вы, наверное, впервые на этой площадке?

– Вы угадали, Катя. Я действительно первый раз в этом году на этой площадке. Обычно я на танцы не хожу, но сегодня меня затащили сюда мои друзья. Я учусь в Рязани, в военно-десантном училище, и сейчас я на каникулах, как бы в состоянии свободного полета.

– Какая интересная у вас жизнь. Самолеты, синее и бездонное небо, захватывающие дух прыжки с парашютом. И на каком вы сейчас курсе, Саша, если это не секрет?

– Закончил четвертый. А вы, Катя, учитесь или работаете?

Она немного смутилась, а затем, сверкнув своей очаровательной белозубой улыбкой, произнесла как-то слишком привычно и обыденно:

– Я учусь в медицинском институте. Закончила, как и вы, четвертый курс, буду терапевтом.

– По-моему, у вас шестилетний курс образования?

– Да, пять с половиной лет.

– Выходит, я быстрее окончу училище, чем вы институт.

Весь этот танцевальный вечер они провели вдвоем. После окончания танцев они решили немного прогуляться по парку.

– Пойдемте по этой аллее, – неожиданно для него произнесла она и указала на аллею, где было достаточно темно. – Вы не боитесь темноты?

– Нет, а вы?

– Я тоже не боюсь. Мне кажется, что вы в состоянии защитить меня.

Она взяла его под руку и они, болтая о пустяках, медленно побрели по дорожке.

– Стой! – раздалось у них за спиной. – Дай, закурить!

Крылов почувствовал, как вздрогнула Катя и плотнее прижалась к нему. Он повернулся, их было трое.

– Ребята, я не курю, – произнес он, оценивая физические возможности вероятных противников.

– А если найду?

Без драки здесь не обойтись, почему-то решил Крылов и первым нанес удар в челюсть лидеру этой тройки. Парень охнул и, отлетев метра на полтора, подмяв под себя кусты, повалился на землю. Вторым хорошо поставленным ударом Александр повалил на асфальт другого парня. Третий не стал испытывать судьбу и бросился в кусты.

На аллее показался наряд милиции, который бросился к ним. В планы Крылова никак не входило общение с представителями правоохранительных органов.

– Катя, жди меня у входа в парк, – произнес он и моментально исчез в густых кустах.

Она увидела Крылова, который стоял у столба при входе в парк и держал в руках букет цветов.

– Ты где их взял? – спросила она, принимая букет.

– Это военная тайна, Катя.

– Вот уж никогда не думала, что найдется такой человек, который обнажит за меня шпагу. Где ты так научился драться, наверное, не в военном училище?

– Именно там. Нам преподают уроки самбо и бокса. Я – кандидат в мастера спорта.

– А я почему-то думала, что вас учат лишь прыгать с парашютами, бегать да стрелять.

– И этому тоже. Как ты на смотришь на то, если я провожу тебя до дома? Время позднее, хулиганов много, – переходя на «ты», предложил Крылов.

– Это что? Суворовский натиск? – спросила Александра Катя.

– Конечно, нет, – улыбаясь, ответил он. – Вон и трамвай подошел, побежали!

* * *

Он проводил ее до подъезда дома. Жила Катя на улице Попова, в четырехэтажном доме, напротив общежития химико-технологического института. Они долго стояли и разговаривали. Крылов ей рассказывал о Рязани, читал стихи Сергея Есенина, которые полюбил со школы. Катя с нескрываемым интересом слушала его, мысленно представляя, что такое свободное падение – свист ветра, белый шелковый купол над головой и зелень лугов...

– Саша? Как ты доберешься до дома? – неожиданно поинтересовалась она у него. – Сейчас поздно, и уже не ходят ни трамваи, ни троллейбусы.

– Не переживай, Катя. Дойду пешком, мне не привыкать ходить. Этому нас и учат в училище. Нам один преподаватель в училище всегда говорил, что профессия у нас такая: три минуты в воздухе, а остальное по земле.

Она громко засмеялась над этим афоризмом и пожала ему руку.

– Я ведь серьезно тебя спрашиваю, а ты шутишь.

– Так и я тебе серьезно отвечаю. Ты за меня не волнуйся.

Он на секунду задержал ее руку в своей ладони и посмотрел на нее. Она осторожно освободила свою ладонь и, улыбнувшись, направилась к подъезду.

«Неужели это все? – подумал он. – Нет, я просто так не уйду!»

– Катя! Давай, встретимся завтра? – предложил он ей, почему-то не надеясь на ее согласие. – Может, сходим куда-нибудь или ты не хочешь?

Она снова посмотрела на него своим таинственным взглядом, в котором было так сложно отгадать, каким будет ее ответ. Он молча ждал, что она ответит. Катя на секунду задержалась у двери подъезда и повернулась к нему.

– Хорошо, Саша. Я не против завтрашней, а, скорей всего, уже сегодняшней встречи. Давай, встретимся в пять часов вечера! Приходи к дому, я тебя буду ждать. Тебя устраивает это время?

Он стоял, словно заколдованный. Ему не верилось, что он мог чем-то увлечь такую красивую и эффектную девушку.

– Да! Я обязательно приду.

– Тогда, до встречи.

Она послала ему воздушный поцелуй и исчезла за дверью, словно мимолетное видение. Крылов дождался, когда на третьем этаже вспыхнул свет в окне и, легко вздохнув, и направился в сторону центра города. Погода была великолепной: полная луна освещала бездонное темное небо, где-то в кустах, скрывшись от человеческих глаз, заливался песней соловей. От его трелей мир казался каким-то загадочным и сказочным.

* * *

Утром Крылов проснулся с счастливой улыбкой на лице. Он быстро вскочил со своей кровати и, сделав десятиминутную зарядку, полез под холодный душ. Когда он вышел из ванной комнаты, мать уже возилась на кухне, готовя ему завтрак.

– Ты что сияешь, как полтинник? – спросила его мать. – Наверное, с девушкой познакомился?

– Ты знаешь, мама, что люди сияют лишь от счастья. А, значит, я просто счастлив.

– Ты, счастлив, говоришь? Человеческое счастье – оно мимолетно, как ветер. Сейчас человек счастливый, а через минуту уже нет.

– Мама! Ты о чем говоришь? Я не согласен с тобой. Счастье – это не ветер, а состояние души человека.

Он быстро позавтракал и вышел во двор. Осмотревшись по сторонам, Крылов направился в сторону ребят, которые сидели на лавочке и резались в карты.

– Привет! – поздоровался он с ними. – Во что играете?

– В очко, – ответил Александру его тезка. – Будешь играть?

– Нет, ребята. Я просто не умею, – ответил Крылов и отошел в сторону.

– Крылов! Ну, как та девчонка, не отшла она тебя? – поинтересовался Терехов Сашка.

– Представь себе, нет. Ты заметил, Саша, какая она красивая, я давно не встречал таких красивых девушек. Все при ней, притом студентка, учится в медицинском институте.

– Согласен, – ответил Терехов. – Тебе действительно повезло, классная девчонка. С такой девчонкой не стыдно не то, чтобы пройти по улице, но появиться и в других престижных местах

нашего города. Смотри, тезка, такие девчонки требуют к себе определенного подхода, больших денег и большого внимания.

– Да брось, ты! Можно подумать, что я жениться собрался. Вот отгуляю отпуск и обратно в Рязань...

Ребята быстро собрались и всей нашей небольшой группой направились на пляж, который находился у Молодежного центра. День пролетел быстро. Часа в три Крылов уже был дома и стал собираться на свидание. Он тщательно отгладил брюки, надел новую рубашку, купленную по случаю в Москве, и стал смотреться в зеркало.

– Это ты куда, сынок, собрался? – спросила его мать. – Я для кого ужин-то готовила?

– Извини, мамуля, поем после, а сейчас мне нужно бежать. Девушки не любят, когда опаздывают ребята.

Мать покачала головой и ничего ему не сказала. Да и что она могла сказать, он был уже взрослым и самостоятельным человеком. Она перекрестила его со спины и направилась из прихожей в комнату.

* * *

Крылов подошел к дому Кати минут за тридцать до оговоренного времени. Заметив во дворе свободную лавочку, он направился к ней. Присев, он положил рядом с собой большой букет ромашек, которые купил около кинотеатра «Дружба». Взглянув на часы, он стал с нетерпением ждать, когда Катя выйдет из дома. Время шло, а девушка почему-то все не выходила.

«Что могло случиться? – размышлял он. – Неужели передумала и не хочет встречаться».

Чтобы отвлечься от этих мыслей, он достал пачку сигарет и, выбив сигарету щелчком пальца, закурил.

– Ждешь кого-то, сынок? – спросила его пожилая женщина, присевшая рядом с ним на скамеечку.

– Девушку, – ответил Крылов. – Живет вот в этом доме, зовут Екатерина.

– Я сразу же догадалась, что ждешь Давыдову Катю. К ней постоянно ребята приезжают, посидят немного и уезжают обратно. У нее отец очень строгий, не больно любит ее ухажеров. Он до сих пор считает, что у дочери ветер в голове.

– Это почему же, если не секрет?

– Катюшка еще тогда, когда училась в школе, влюбилась в одного нашего пацана. Любовь у нее была к нему, говорят, очень сильная. Что-то у них получилось не так, толи родители у нее были против этих встреч, то ли парень в чем-то провинился, но наглоталась она таблеток – еле откачали. Вот после этого и караулит ее отец, не дает ей возможности встречаться с ребятами.

Женщина встала со скамейки и, поправив на голове косынку, направилась в сторону играющих в песочнице детишек.

– Саша! – окликнула Крылова, вышедшая во двор Катя. – Чего сидишь? Пойдем, погуляем!

Он встал со скамейки и, улыбаясь и сияя, как начищенный песком полтинник, направился к ней.

– Привет, Катя! Вот цветы, это тебе, – тихо произнес он и протянул ей букет ромашек.

– Куда пойдешь? – поинтересовалась она у него. – Впрочем, мне все равно.

– Ты знаешь, Катя, я так давно не был в Казани, что даже не могу себе представить, куда бы я мог пригласить тебя. Как ты на это смотришь, если мы с тобой просто погуляем по городу, посмотрим на Волгу? А может, у тебя есть в этом городе какие-то любимые места, покажи их мне.

Не знаю, почему, может быть, ему так показалось, но Катя капризно скривила губы и, пожав плечами, согласилась с его предложением. Они вышли на улицу и медленным шагом направились к остановке седьмого троллейбуса. Неожиданно девушка остановилась и, повернувшись к нему лицом, крепко сжала руку.

– Саша, а у тебя там есть девушка? Я имею в виду, в Рязани? Я слышала, что девчонки там сами бросаются вам на шею?

Крылов громко засмеялся, чем привлек к себе внимание прохожих.

– Кто это тебе рассказал такое, Катя? Ты можешь мне не верить, но девушки у меня нет. Встретаться просто так, чтобы проводить время я не хочу, а серьезно – у меня почему-то не совсем получается. А сейчас, после того, как я встретил тебя, мне больше никто не нужен.

Она громко рассмеялась и, обняв его, пристально посмотрела в глаза, словно стараясь определить, говорит он об этом серьезно или просто шутит.

– Ну, ты и гусар, Александр! Увидел и сразу же в карьер, – произнесла она и засмеялась. – Можно подумать, что я так и поверила тебе? Все вы мужчины – вруны и используете нас женщин в своих личных интересах.

– погоди! Я что-то тебя не понял, Катя. Ты, что мне не веришь? Зачем мне тебя обманывать? Могу сказать тебе правду, ты мне очень нравишься, и я бы хотел, чтобы наши с тобой отношения не закончились этим летом.

– Я смотрю, Саша, у тебя большие планы в отношении меня? Не рано ли? Ты же меня практически не знаешь, да и я тебя, тоже. Мы же разные с тобой. Я люблю, когда за мной ухаживают, дарят цветы, делают дорогие подарки. Сможешь ли ты стать таким человеком?

Крылов, морально подавленный ее словами, невольно замолчал. Где-то в глубине души у него затаилась какая-то непонятная для него обида, но, заметив веселые глаза Кати, ее лучезарную улыбку, он сразу же забыл про эту обиду.

– Ты что обиделся на меня, Саша?! Ведь я просто пошутила. Мне было интересно, как ты отреагируешь на мои слова. Не обижайся, договорились?

– А я и не обиделся, – ответил он. – Я сразу понял, что ты меня проверяешь. Денег особо у меня нет, но я могу обещать тебе, что буду любить тебя и никогда не изменю тебе, как бы меня не искушали. Вот это я тебе могу обещать.

– Мне достаточно, ведь от добра добра не ищут, как и счастье. Ты с этим согласен?

Он впервые обнял ее и прижал к своей груди. Он ощутил запах ее волос, тела, от которого у него закружилась голова.

«Солнце, море, воздух слаще меда,

Я тебя увидел в первый раз.

Ты мне улыбнулась, как погоде,

Я упал в колодец твоих глаз...», – неслось из проезжавшей мимо них машины. Катя крепко сжала его ладонь, и они побрели по улице, то и дело, бросая друг на друга только им понятные взгляды.

* * *

В этот вечер они долго гуляли по улицам города. Он ей рассказывал о себе, о своих школьных годах, о друзьях и товарищах, об училище, а она рассказывала о себе.

– Ты даже, Саша, не представляешь, какая у меня забавная жизнь. Я, наверное, как все девчонки, с детства мечтала стать артисткой кино. Я с ума сходила от Румянцевой, Фатеевой и по десять раз, а то и больше, пересматривала фильмы с их участием. Я бредила кино, и никто не мог меня переубедить в моем желании стать артисткой. Для того, чтобы воплотить свою мечту в реальность и поступить в Государственный институт кинематографии, я много занималась с репетиторами, не пропускала ни одной постановки нашего Театра юного зрителя и театра имени Качалова. Однако все мои мечты рухнули в течение десяти минут. Я читала басню и вдруг поняла, что я не помню ее конца. Короче, поступить после окончания школы во ВГИК мне не удалось. Я не прошла по конкурсу.

Она замолчала и посмотрела на него. Поймав ее взгляд, Крылов ободряюще улыбнулся ей. Он обнял ее за плечо.

– Что было дальше, Катя? – спросил он ее.

– Ты знаешь, я готова была наложить на себя руки. Мне было стыдно возвращаться обратно в Казань, общаться со своими подругами. Я два месяца прожила в Москве, все еще надеясь, что обо мне вдруг вспомнят и пригласят меня вернуться в институт. Сейчас все это так смешно, но тогда я почему-то думала, что Москва не сможет жить без такой артистки, как я. Эти два месяца коренным образом изменили всю мою жизнь, так как я вдруг поняла, что просто влюбилась в этот город. Прошло вот уже пять лет, но я и сейчас по-прежнему люблю Москву и мечтаю жить в этом громадном городе.

Она замолчала, словно заново переживая свою неудачу.

– Я несколько раз потом пыталась перевестись учиться в Первый Московский медицинский институт, но отец был против этого перевода. Мой отец работает главным инженером одного из оборонных предприятий города. Он почему-то считает, что уровень подготовки врачей в Казани не хуже Москвы, и поэтому не дает мне возможности перевестись в этот город.

Она остановилась и снова внимательно посмотрела на него, словно стараясь угадать, какое впечатление произвел на него ее рассказ.

– Ты знаешь, Катя, а мне Москва никогда не нравилась. Улицы полны народа, все толкаются, бегут, не обращая внимания на идущих рядом с ними людей. Мне кажется, что в этом городе отсутствует его бывшая духовность, и город понемногу теряет свой облик и становится просто транзитным городом.

– Ты не прав, Саша. Ты даже не представляешь, какой это город – Москва! Тысячи огней, сверкающие витрины магазинов, театры. Казань, по сравнению с Москвой, просто деревня. Ты сам подумай. Каждый день в Москву приезжают миллионы людей и столько же уезжают. Ты вот мне скажи, вот ты окончишь училище, тебя могут направить служить в Москву или нет?

Вопрос был столь неожиданным, что Крылов на какой-то миг впал в ступор.

– Не знаю, Катя, – тихо ответил он. – В том году у нас трех выпускников направили служить в Москву, что будет на следующий год, я не знаю. Мне лично в Москве не хотелось бы служить. Ты не представляешь, сколько в Москве разных генералов, рука отвалится приветствовать их каждый день.

Катя засмеялась и стукнула своим изящным пальчиком по его носу.

– Глупый ты, Саша. Москва – это город неограниченных возможностей и пренебрегать этим просто глупо.

Они еще долго спорили о Москве и Казани, и каждый из них так и остался при своем мнении.

* * *

Он не замечал, как летело время, утро сменялось вечером, а ночь утром. Может, и правы мудрецы, говорившие о счастье и времени. Он встречался с Катей практически каждый день и в какой-то момент понял, что по уши влюбился в эту девушку. Стоило ему только не увидеть ее лица, не услышать ее голоса, день был прожит напрасно.

Как-то вечером, когда Крылов собирался ехать к Кате, в комнату вошла мать и села на диван.

– Саша! Послушай, меня. Я смотрю, ты совсем потерял голову из-за этой Кати. Ты знаешь, может, я в чем-то и не права, но мне кажется, что она тебе – не пара. Ты сам-то шире открой свои глаза, посмотри на себя со стороны, кто ты и кто она. Я же чувствую, что она тебя не любит, сынок. Она, словно артистка, просто крутит тобой, как хочет.

– С чего это ты взяла, мама? Катя – прекрасная девушка, и я уверен, что она любит меня, как и я ее. Ты просто плохо ее знаешь.

Мать усмехнулась.

– Любовь, Саша, сродни болезни. Когда человек влюблен, он ничего не видит и не слышит. Ему кажется, что на свете нет человека лучше, чем его избранница. Он готов на все ради того, чтобы ему улыбнулся этот человек. Ты в другой плоскости посмотри на нее. Она же – не

хозяйка, она ничего не умеет делать, она просто не приспособлена к нормальной человеческой жизни. А если тебя направят служить куда-нибудь в глухомань, поедет ли за тобой, будет ли верной тебе в гарнизоне, где туча мужиков и один краше другого?

– Да, брось ты, мама, – обиженно и несколько раздраженно ответил он. – Она не такая, как ты думаешь, мама. Я люблю ее и ничего с этим поделать не могу. Не ломай мне жизнь, я прошу тебя, мама!

– Смотри, сынок. Близок будет локоток, но его не укусишь. Я не удивлюсь, если ты сам будешь себе готовить пищу и стирать свою одежду, лишь только потому, что у нее накрашенные ногти.

– Знаешь, мама, – громко произнес он, – я уже взрослый человек и мне видней, кто есть кто. И поэтому я очень тебя прошу больше не заводить при мне подобных разговоров, если не хочешь, чтобы мы с тобой поссорились.

Мать тяжело вздохнула и, махнув на него рукой, вышла на кухню. Он быстро привел себя в порядок и выскочил на улицу. Через минуту он уже трясся в троллейбусе седьмого маршрута. Он, наверное, действительно тогда был слепым и глупым и поэтому не слышал советов матери. Лишь потом он понял, что эти слова оказались пророческими.

Доехав до нужной ему остановки, Крылов направился к Катиному дому. Войдя во двор, он по привычке направился к пустующей лавке. Достав из кармана сигареты, он закурил.

– У тебя не будет сигареты? Может, угостишь человека? – обратился к нему парень.

Он поднял глаза и увидел трех парней и, встав со скамейки, молча достал из кармана сигареты, протянул их им.

– Вот возьмите, угощайтесь, – произнес он. – Спички есть?

– Ты здесь живешь? – спросил один из парней, прикуривая сигарету. – Что молчишь? Тогда скажи, к кому ты сюда пришел?

– Какое это имеет значение, ребята? – чувствуя, как все у него сжалось внутри в предчувствии драки, ответил Крылов. – Пришел к девушке, жду ее.

– Ты сам, откуда будешь? Я имею в виду, из какого района?

Можно было просто уйти, сделать вид, что испугался, и тогда, наверняка, можно было бы избежать этой драки, но он продолжал сидеть на лавочке, словно не догадываясь, об их намерениях.

– Ты что, глухой? Я тебя спрашиваю, ты к кому пришел, козел?

– Я же тебе сказал по-русски, к девушке. И еще тебе мой совет, ты выбирай слова, а то можешь потерять здоровье.

Сейчас, по истечении времени, трудно сказать, чем бы закончился его разговор с этими ребятами, но тут во двор вышла Катя. Она сразу же все поняла и направилась к нему.

– Витя! Вам что нужно от этого человека? – спросила она одного из них. – Я же тебе уже несколько раз говорила, чтобы ты ко мне больше не приходил. Разве тебе это не ясно?

Виктор швырнул сигарету на землю и, повернувшись, направился прочь со двора. Вслед за ним последовали и его товарищи.

– Напугался? – спросила она.

– Нет, – коротко ответил он. – Просто не хотелось драться.

– А я-то подумала, что ты испугаешься их. Я наблюдала за всем этим с балкона и подумала, что ты уйдешь, чтобы не связываться с ними.

Ему почему-то стало обидно от этих слов. Стоять и смотреть, как унижают твоего товарища, было просто нехорошо.

* * *

Незаметно пролетел июль и наступил август. Второго августа – праздник десантных войск и он пришел к Кате на встречу, облачившись в курсантскую форму. Крылов встал под ее

окном и трижды громко выкрикнул ее имя. Катя выскочила на балкон и радостно замахала ему руками.

– Ой, ты какой красивый, Саша, – закричала она с балкона. – Подожди меня минутку, я сейчас.

Он не успел докурить сигарету, как она вышла во двор. Катя нежно обняла его и поздравила с праздником. Рассматривая на его груди значки, она поинтересовалась, что они обозначают. Утолив ее любопытство, они направились в Парк имени Горького, где проходили торжества, посвященные празднику крылатой пехоты. Они вошли в парк и медленно побрели по одной из аллей.

– Смотри, Саша, вот уже листья начинают желтеть, а это значит скоро осень, конец лета. Словно в резонанс ее словам из динамика полилась песня:

Скоро осень, за окнами август,

От дождя пожелтели кусты.

И я знаю, что я тебе нравлюсь...

– Какая грустная песня, – тихо произнесла Катя, – словно о нас с тобой. Скоро ты уедешь в Рязань, а я останусь здесь одна без тебя. Я так привыкла к тебе за это время, что даже не представляю, как буду жить без тебя.

Накануне, гуляя с Катей, он сообщил ей, что через неделю должен уехать обратно в училище. Судя по ее лицу, она была глубоко разочарована этой новостью.

– Саша! А нельзя задержаться в городе, по крайней мере, до сентября? – тихо спросила она. – Ведь все это делается элементарно. Я попрошу отца, он позвонит своим знакомым, те выпишут тебе бюллетень и все. Чего молчишь? Разве ты не хочешь этого?

– Спасибо, Катя. Я человек военный, и для меня приказ есть приказ. Не выполнить его я не могу. Поэтому ничего делать не нужно, а тем более просить об этом твоего отца. Он человек занятый, да и кто я ему?

– Это не правда, Саша! Для него это сделать ничего не стоит. Мне не понятно, почему ты этого не хочешь? Может, разлюбил меня или ты вообще не любил меня никогда? А что? Поматросил и бросил, это же так называется у вас мужчин?

– Да ты что, Катя? Как ты могла подумать об этом. Я человек серьезный и намерения у меня в отношении тебя самые серьезные.

– Раз так, то поехали ко мне домой.

– Ты это серьезно или так пошутила?

Она посмотрела и крепко сжала ладонь.

– Я вполне серьезно. Неужели ты испугался моего отца?

Она схватила его за руку и, прижавшись всем телом к нему, пристально посмотрела в глаза.

– Саша! Чего ты молчишь? Я жду твоего ответа!

– В принципе, Катя, я не против этого. Если ты хочешь меня познакомить со своими родителями, поехали.

– Вот и хорошо! – восторженно произнесла она, и они направились в сторону ближайшей остановки трамвая.

Семья Кати проживала в большой, по тем временам, четырехкомнатной квартире. Отец Кати, мужчина средних лет с седыми, как лунь, волосами, встретил гостя на пороге квартиры и вежливо пригласил пройти.

– Проходите, Александр, – произнес он. – Надеюсь, я могу вас так называть?

Крылов посмотрел на него и кивнул головой.

«Интересно. Назвал меня по имени? Наверное, Катя рассказывала своим родителям обо мне» – подумал он, проходя в большой зал.

Сделав несколько шагов, Крылов внезапно замешкался на какую-то долю секунды и, развернувшись, направился обратно в прихожую, где попытался снять обувь.

– Обувь можете не снимать, Александр, – произнес ее отец. – Сейчас лето, сухо, грязи нет.

Он осторожно прошел вслед за ним в зал. После родительской квартиры и привычной казармы квартира Кати показалась ему настоящим дворцом. Комнаты были обставлены дорогой импортной мебелью, а на полу в одной из комнат лежал большой туркменский шерстяной ковер темно-малиновой расцветки. В зале, куда они вошли, в углу, справа от входа стоял японский цветной телевизор и кассетный магнитофон фирмы «Шарп». Заметив удивленное лицо гостя, хозяин квартиры невольно улыбнулся.

– Присаживайтесь, Саша. Ничему не удивляйтесь, я больше года работал за границей, вот и привез оттуда все эти чудеса современной техники, – буднично произнес хозяин квартиры. – Давай, знакомиться. Меня зовут Владимир Павлович.

Он протянул Крылову руку. Несмотря на его возраст, рукопожатие у него было довольно крепкое.

– А ты, значит, решил связать себя с военной службой, с небом и куполом?

– Да, Владимир Павлович. Я всю свою жизнь мечтал стать военным. В школе занимался спортом, неплохо бегал, стрелял, боксировал.

Хозяин дома улыбнулся, то ли он вспомнил что-то из своего детства, то ли его развеселил его ответ.

– Водку пьешь, курсант? – неожиданно спросил он его и потянулся к бутылке, которая стояла на инкрустированном журнальном столике. Взяв ее в руку, он стал разливать водку по рюмкам.

– Сложно становится работать, растут требования, военный заказчик свирепствует, требует отличного качества выпускаемой продукции, – словно оправдываясь перед ним, произнес хозяин.

– Извините меня, Владимир Павлович, но я водку не пью.

– Молодец, Саша! Но, думаю, что все это временно. Направят после окончания училища в Афганистан, там и запьешь, и закуришь. Я раньше тоже не употреблял, а сейчас каждый вечер перед ужином радую себя рюмочкой коньяка или водки.

Крылов промолчал, так как не знал, стоит ли ему возражать по этому вопросу.

– А как у тебя дела с Катей? Серьезно или так, по-солдатски?

– В каком это смысле, по-солдатски?

– Да так, погулял и бросил. Пойми меня правильно, Александр, она у меня единственная дочь и я бы хотел, чтобы она была счастлива в этой жизни. У тебя есть девушка там, в Рязани? Ты парень видный, настоящий военный, а девушкам такие ребята нравятся.

Он не успел ответить на его вопрос, в зал вошли Катя и ее мама.

– Познакомься, мама, это Александр, – представила она его матери. – Он будущий офицер, десантник, как говорят, крылатая пехота.

– Галина Павловна, – представилась женщина и направилась к большому красивому серванту, в котором переливались всеми цветами радуги хрустальные рюмки и фужеры.

Она быстро стала сервировать стол. Вскоре на столе появились закуска, коньяк, дорогое французское вино. Когда все уселись за стол, хозяин поднялся и предложил выпить за знакомство. Крылов пригубил налитую рюмку и поставил ее на стол.

– Давай, Александр, пей до дна, – произнес Владимир Павлович. – Не уважать тост хозяйина дома просто нельзя.

Крылов выпил рюмку водки и поставил ее на стол. Через мгновение он почувствовал, как обжигающая горло жидкость, медленно спустилась по пищеводу в желудок. Он взял дольку лимона и положил ее в рот.

– Дочка говорит, что ты скоро отбываешь в училище? Это правда?

– Да. Восьмого августа я должен быть там.

– Хочешь, я сделаю тебе справку, что ты заболел? Погуляешь еще недели две в Казани. Хозяин пристально посмотрел на него, ожидая, как он отреагирует на его предложение.

– Спасибо, Владимир Павлович, – ответил Крылов, – думаю, что в этом нет никакой необходимости. С детства не привык обманывать.

– Это почему же? Какой обман? Все будет нормально: и справка, и соответствующий диагноз. Мало ли что могло произойти у тебя на каникулах?

– Вы знаете, Владимир Павлович, не надо. Поэтому, спасибо Вам за предложение, но мне такая справка не нужна.

Отказ Крылова смутил его, а может, даже обидел. Однако, на лице его продолжала сиять всё та же дружелюбная улыбка.

– Все правильно, молодой человек. Это я так, проверил тебя на всякий случай, чего ты стоишь. А ты, молодец, не поддался соблазну.

Все сидящие за столом натянуто заулыбались. Посидев около часа, Крылов стал собираться. Заметив это, Катя встала из-за стола и направилась вслед за ним. Александр простился с ее родителями и вышел в коридор. Катя последовала за ним. На лестнице она обняла его за шею и поцеловала в губы.

– Ты знаешь, Крылов, я очень тебя люблю, – тихо шептала она. – Я буду скучать без тебя. Я буду тебе писать каждый день, даже не каждый день, а каждые полдня – утром и вечером!

– А я, буду ждать твоих писем, Катя. Я тоже люблю тебя и буду любить до конца своей жизни.

Он крепко прижал ее к груди. Запах волос кружил ему голову. В какой-то миг он понял, что не может оторваться от ее разгоряченного тела. Через рубашку он чувствовал, как затвердели ее соски и словно два металлических наперстка уперлись в его грудь. На верхней площадке раздались мужские голоса. Катя оттолкнула его от себя.

– Не нужно форсировать события, Крылов, – тихо произнесла она. – У нас все это впереди.

– Извини, Катя. Я не хотел тебя обидеть.

Взявшись за руки, они вышли во двор.

* * *

Машина резко дернулась и остановилась. Пересекая дорогу, шла колонна наших войск. Танки, БТР и боевые машины пехоты, поднимая пыль, шли в голове колонны. Крылов пристально вглядывался в запыленные лица солдат, стараясь угадать, о чем могли сейчас думать эти молодые здоровые ребята. Наверняка, каждый второй думал о доме, мечтал лишь об одном, чтобы целым и здоровым вернуться с этой, никому не нужной войны.

Пропустив мимо себя колонну, ЗИЛ медленно двинулся вперед, петляя по узким улицам Кандагара. Незаметно стало темнеть. Городской шум стал затихать.

– Ты что, быстрее ехать не можешь? Плетешься, словно старый ишак, – произнес Крылов. – Тебе только на катафалке работать, вот там особо спешить не нужно.

– Да я и так стараюсь, – ответил водитель и, нажав на педаль газа, заставил машину увеличить скорость.

Вскоре показались огни базы. Выйдя из машины, Крылов приказал дежурному по отряду собрать всех бойцов на плацу. Он прошел в свою комнату и, положив автомат на койку, направился в туалет. Смыв с себя дорожную пыль, офицер вернулся к себе, сел за стол. Расстелив карту, он начал внимательно изучать намеченный им маршрут движения группы.

– Товарищ старший лейтенант! Личный состав отряда построен на плацу. Дежурный по отряду, – рядовой Артемьев.

Поправив на себе куртку, Крылов вышел на плац. Послышалась команда лейтенанта Белоусова, который временно исполнял обязанности заместителя командира отряда. Строй

замер по «стойке смирно». Крылов прошел вдоль строя, вглядываясь, в знакомые лица своих бойцов. Вот его глаза встретились с глазами Быстрова – бойца из Подмосковья, затем с открытым взглядом казаха Кунаева, который был родом из Казахстана. Со всеми ими он уже не раз бывал на «дороге», плутал в «зеленке» и был уверен в них, как в самом себе.

– Бойцы! Перед нашим отрядом поставлена новая сложная задача. Мы должны десантироваться на границе с Пакистаном, это почти в двухстах километрах отсюда. Задача трудная и опасная. Со мной пойдут опытные и проверенные бойцы. Всем, чей срок службы составляет меньше шести месяцев, выйти из строя.

Из строя вышли шесть человек и вопросительно посмотрели на него.

– А теперь, пусть выйдут из строя те, кто готовится к осенней демобилизации.

Из строя вышло еще пять человек.

– Вот и хорошо. Все вы остаетесь здесь, в расположении старшины базы. Остальным готовиться к выходу. Вылет группы в двадцать два часа, то есть через пять часов. А сейчас, всем разойтись.

Распустив бойцов из строя, он направился к себе, где снова начал изучать предстоящий маршрут движения отряда. Раздался легкий стук в дверь. Он оторвался от карты и посмотрел на дверь.

– Заходите, – громко произнес он.

Дверь открылась, и в кабинет вошел Быстров. За его спиной, переминаясь с ноги на ногу, стоял Горохов.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться, – произнес Быстров, приложив руку к панаме.

– Что у вас?

– Товарищ старший лейтенант, разрешите мне и Горохову идти в рейд.

– Вы что? Я же сказал, что «дембеля» и молодые в рейд не идут. Хватит, вы уже отвоевали, пусть теперь повоюют другие.

– Товарищ старший лейтенант, – заныл Быстров. – Мы же сами хотим идти, мы же с Гороховым, как добровольцы. Я могу быть и пулеметчиком, снайпером, сапером.

Крылов посмотрел на них, не зная, какое принять решение. Немного подумав, он ответил:

– Хорошо, Быстров. Так и быть, готовьтесь.

Они радостно заулыбались и, развернувшись, направились к двери. Не прошло минуты, как в дверь снова постучали.

– Ну, что еще нужно? – раздраженно произнес Крылов, думая, что это снова вернулись Быстров и Горохов.

В кабинет вошел лейтенант Белоусов и, настороженно глядя на командира, подошел к столу.

– Может, пригласишь присесть? – произнес он.

– Присаживайся. Какие-то проблемы, лейтенант?

– Пока никаких. Скажи командир, какова задача группы? – поинтересовался он. – Почему уходим в ночь?

Крылов отложил в сторону карандаш и взглянул на офицера.

– Необходимо спасти сбитых вертолетчиков, – ответил Крылов. – Там находятся два наших экипажа. В общем, задача как всегда – иди туда, не зная куда.

– Ты что-то не договариваешь, командир. Может, ты мне не веришь?

– Об этом не может быть и речи, Белоусов. Если бы я тебе не верил, то давно бы отчислил тебя из отряда. Однако, ты прав, дело вовсе не в легчиках, как ты догадался, а совершенно в другой фигуре, которая оказалась на борту сбитого вертолета. Нам предстоит найти и доставить живым полковника Главного политического управления Советской Армии Грачева, если,

конечно, он жив. По данным штаба дивизии, им интересуется не только наше командование, но и спецслужбы Пакистана и США.

– Неужели, это такая важная фигура для Пакистана и ЦРУ?

– Конечно, нет. Но они считают его почему-то сотрудником Генерального штаба, а не политуправления и тоже предпринимают все попытки выйти на него и взять его живым.

– Вон оно что. Выходит, этот полковник дорогого стоит, если наше командование на его спасение бросает нашу группу.

– Скажу тебе только одному. Не знаю, насколько это соответствует действительности, но ходят слухи, что он является родственником начальника Главного политуправления нашей армии Епишева. Вот и делай сам вывод. Поэтому командование и подняло такой большой шум вокруг его фигуры.

– Ты что, знаешь его, Крылов? – спросил он его. – Я же вижу, что вы с ним знакомы? Чего темнишь, командир?

– Ты прав. Я хорошо знаю этого человека.

– Откуда? – удивившись, произнес он. – А командование об этом знает?

– Нет. Я никому кроме тебя об этом не говорил. К чему все это. А сейчас иди, я хочу побыть один. Нужно привести в порядок свои мысли и подготовиться к рейду.

Белоусов вышел из кабинета, оставив его одного.

* * *

В середине июня следующего года Крылов с отличием окончил военное училище и приехал в Казань. Он шел по знакомому ему двору, сверкая золотыми погонами, он ловил взгляды жильцов, которые с интересом рассматривали его в открытые окна дома.

– Здравствуй, мама! Вот я и дома! – радостно произнес он, переступая порог квартиры.

Мать – женщина преклонного возраста, вытерла руки о передник и обняла сына.

– Проходи, Саша, проходи, – то и дело шептала она. – Я все глаза проглядела, как только получила твою телеграмму. – Раздевайся, я сейчас быстро накрою на стол.

Он прошел в комнату и стал переодеваться.

– Куда тебя направили служить, сынок?

– В Витебск, мама. Это – Белоруссия. Так что, вот немного отдохну и поеду. Сейчас поем и поеду к Кате, соскучился по ней.

Мать промолчала, видимо поняла, что время не вылечило ее сына.

– Ты знаешь, Саша, ко мне всю зиму забегала Ольга. Ты помнишь ее? Она живет в соседнем подъезде. Все интересовалась тобой, спрашивала как ты, когда приедешь?

– Не помню, я ее, мама. Когда, я уезжал в Рязань, она, наверное, еще в классики играла.

– Ты бы посмотрел сейчас на нее – настоящая красавица. Все при ней.

– Мама, ты, что решила меня женить на ней? Да брось ты это дело. Может, она и красавица, но я люблю другого человека.

– Дело твое, сынок, я свое уже отжила. Пойми, я тебе плохого не пожелаю...

– Хватит мама! Давай, закроем эту тему.

Умывшись, он сел за стол. Он ел и никак не мог оторваться от еды. Теперь он хорошо понял, что весь год ему не хватало этой пищи.

– Все, мама, больше не могу, – произнес он, поднимаясь из-за стола.

Он надел белую рубашку, причесался и, повертевшись у зеркала еще с минуту, направился к выходу. Мать все это время сидела на диване и смотрела на него.

«Как вырос, – думала она. – Весь в отца – те же глаза, цвет волос, фигура, такой же упрямый как он».

– Пока, мама, – произнес сын и вышел из квартиры.

Выходя из подъезда, он столкнулся с девушкой. У нее были густые русые волосы, сплетенные в косу. Лицо этой симпатичной девушки показалось ему знакомым.

– Здравствуйте, Оля. Я надеюсь, не ошибся?

– Здравствуй, Саша. Вот вы и приехали. Вы бы только знали, как вас ждала ваша мама.

– Я знаю, Оля. Она мне уже все рассказала и о себе, и о вас. Спасибо, вам, что помогли ей скоротать эту зиму. Вы проходите...

Он посторонился, пропуская ее в коридор. Он заметил, как вспыхнуло лицо девушки, как ярко загорелись ее серые большие глаза.

– А вы, что уже уходите, Саша?

– Дела, Оля, дела...

Он повернулся и направился через двор, отмечая про себя привлекательность Ольги.

«И куда только ребята глядят? – подумал он. – Такой бриллиант и еще никем не прибран».

Он сел в троллейбус и поехал в центр города. Душа его пела в предвкушении встречи. По дороге он купил большой букет цветов и, остановившись у дверей квартиры Кати, с силой надавил на кнопку звонка. Где-то там, за дверью раздался его настойчивый звонок.

* * *

Через месяц они сыграли свадьбу. Все что происходило во время застолья, он помнил плохо. Вереницы незнакомых ему лиц, поздравления, подарки – все слилось в один вертящийся перед глазами круг. Медовый месяц, который они провели с Катей в Крыму, пролетел, словно, один день. Через месяц, он уехал в Витебск, где был расквартирован его парашютно-десантный полк. Катя осталась одна в Казани, ей оставалось учиться еще около года.

Он хорошо помнил момент, когда они с Катей стояли на перроне, тесно прижавшись, друг к другу. Теплый летний дождь, начавшийся минут тридцать назад, не хотел затихать. Его зеленая армейская рубашка промокла до нитки, но ему тогда было не до этого.

– Саша, а ты не заболеешь? – заботливо спросила его Катя. – Может, зайдем в здание вокзала?

– Я не хочу никуда идти, я так бы и стоял с тобой всю жизнь. Скажи, а ты сама-то не замерзла?

Она отрицательно покачала головой.

– Нет, я не замерзла, я же под зонтом. Ты знаешь, милый, я только теперь поняла, как ты мне дорог. Я умру, наверное, здесь без тебя. Ты мне пиши! Пиши каждый день, чтобы я все знала о тебе!

– Я тоже люблю тебя, Катя! Я буду писать тебе каждый день. Я буду вставать, и засыпать с твоим именем на устах, ты веришь мне?

Локомотив дал пронзительный гудок, а затем несколько раз сильно дернул вагоны поезда. Состав медленно покатил на запад. Крылов последний раз поцеловал Катю и побежал по перрону догонять свой вагон. С этого дня вся его личная жизнь зависела от работы почты. Он почти каждый день писал ей письма, звонил по телефону. Он словно солдат, ожидавший своей демобилизации из армии, повесил в своей крохотной комнатке календарь, на котором стал зачеркивать день за днем.

Весь день его не покидало какое-то непонятное ему предчувствие. Он общался с офицерами, занимался с личным составом, а, предчувствие по-прежнему не покидало его. Вечером, он сидел перед телевизором и смотрел фильм. Вдруг он почувствовал, как у него защемило сердце. Это была какая-то непонятная ему боль, которую он испытывал впервые.

«Неужели что-то произошло с матерью?», – подумал он.

В последнее время мать часто жаловалась ему на боли в сердце, и первая, о ком он тогда подумал, была, конечно, мать. Несмотря на позднее время, он спустился в дежурную часть и, с разрешения дежурного офицера, позвонил в Казань своему другу Терехову Саше.

– Привет, Сашка! Не знаю почему, но меня охватило какое-то нехорошее предчувствие. Ты мою маму давно видел? Как она там?

– Привет, Крылов! Я ее сегодня видел днем. Вроде бы она на здоровье не жаловалась. Ты меня извини, тетка, но сердце у тебя болит по другому, близкому тебе человеку. Я не хотел тебе об этом рассказывать, но раз ты сам мне позвонил, слушай, друг. Ты знаешь, я сейчас работаю инструктором в горкоме ВЛКСМ и за последние полтора месяца трижды встречал твою жену в обществе своего знакомого – второго секретаря Советского райкома комсомола. Судя по разговорам, которые ходят в кулуарах нашего учреждения, они довольно близки между собой.

— Ты что говоришь, Саша?! – закричал Крылов в трубку. – Ты понимаешь, что ты говоришь?

– Я, да, а ты вот, похоже, нет!

– Слушай Саша, скажи мне, что ты пошутил! Чего молчишь!? Может, ты ошибся, и это была не она? – продолжал кричать в трубку Крылов – Скажи мне честно, что ты пошутил! Оскорбляя ее, ты оскорбляешь и меня. Я не верю тебе, тетка! Моя Катя не может так поступить! Этого просто не может быть! Она меня любит!

– Да, ты не кричи на меня, я тебе не жена. Я знал, что ты так отреагируешь на эту новость. Если не веришь мне, то позвони Волкову, и Славка тебе подтвердит мои слова, он тоже ее видел с этим мужиком.

Что-то случилось с Крыловым. Он психанул и бросил трубку на аппарат так, что она слетела с него и повисла на проводе. Его стало буквально трясти от этой новости.

– Крылов, что с тобой? – поинтересовался у него дежурный офицер. – Тебе плохо?

Он махнул рукой и направился в свою небольшую комнату при части. Открыв дверь, он повалился на койку и, накрыв голову подушкой, зарыдал от обиды.

«Как он посмел так говорить о моей жене. О той женщине, которую я люблю больше своей жизни, – думал он с негодованием. – И кто мне это сказал? Мой друг Сашка, которому я всегда так верил!»

Вечером следующего дня его вызвал к себе командир батальона. Он стоял перед его столом и гадал о причине вызова.

– Крылов! Скажи, что с тобой произошло? Мне сегодня на тебя пожаловался замполит роты. Говорит, что ты какой-то не такой, как обычно, потерянный. Жаловался, что плохо провел занятия с бойцами. Ты, случайно, не заболел?

– Я здоров, товарищ майор. У меня все хорошо, это просто показалось нашему замполиту.

– Что-то я не вижу, что у тебя все хорошо. Ты можешь мне рассказать, что у тебя произошло? Ведь я, помимо того, что твой командир, еще и твой друг.

– Я здоров, товарищ майор. У меня все хорошо.

– Раз все хорошо, тогда свободен, – произнес командир батальона. – Если еще поступят на тебя жалобы, будем говорить с тобой по-другому.

Крылов вышел из его кабинета и направился в учебный класс, где его ожидали десантники.

* * *

Сказать, что Крылов ничего не предпринимал, значит, ничего не сказать. Он писал, он звонил, он просил Катю, чтобы она объяснилась с ним, но ответа не было. Тесть загадочно молчал, теща обвиняла его в сборе каких-то слухов, очерняющих ее дочь. Сама Катя молчала, делая вид, что она глубоко обижена его подозрениями.

– Саша! Что происходит в Казани. Почему мне никто ничего не говорит?

– Крылов! Ты мне больше не звони по этому вопросу. Я и так уже пожалел, что сообщил тебе о супруге. Звони ей, а в прочем, какой я тебе в этом деле советчик.

Прошло недели две с того момента, как он узнал об измене жены. Вечером в его маленькую комнатку зашел командир батальона. Взглянув на стол, на котором стояла початая бутылка водки, он усмехнулся. Убрав с табурета брошенную Крыловым форму, он сел за стол.

– Чего не спишь, Саша? Ты хоть иногда посмотришь в зеркало. Ты на кого стал похож, ходишь темнее тучи, форма вся мятая...

Крылов сидел за столом и молча слушал его. Что он мог сказать ему? Пожаловаться на неверность жены? Стать очередным рогиносцем в части?

– Вот что, Саша, слушай меня. Есть возможность съездить домой, я имею в виду в Казань. Как ты на это смотришь, если мы откомандируем тебя в Казань за молодым пополнением?

Это было столь неожиданным предложением, что он просто растерялся. Было все как в сказке, когда волшебник исполняет любое желание.

– Спасибо, товарищ майор, – тихо произнес он. – Я буду вечным вашим должником.

– Вот и хорошо, Крылов. Тогда собирайся и оформляй командировку. Можешь выехать даже завтра.

Майор посмотрел на него и, взяв с полки еще один стакан, плеснул в него водки.

– Давай, за любовь и удачу.

Они выпили. Вылив остаток водки в раковину, он направился к двери. Радость переполняла Крылова. Он вскочил на ноги и стал лихорадочно собирать свои вещи. На другой день, оформив все необходимые документы, он выехал в Казань за пополнением. Несмотря на громадное желание позвонить жене, он пересилил себя и не стал ей звонить. Прибыв в Казань, он прямо с вокзала поехал к матери.

Мать приняла его молча. Обняв и поцеловав его, она пошла на кухню и стала готовить обед. Вечером, когда он собрался ехать к жене, его остановила мать.

– Сынок! Может, тебе не стоит ехать к ней? – тихо произнесла она. – Ты знаешь, я боюсь за тебя.

– Почему, мама?

– Я, Саша, все знаю и тебе ничего не нужно от меня скрывать. Я мать, а ты мой сын, и мне очень жалко тебя. Ты ошибся, сынок. Тебя пленила ее красота. Запомни мои слова, с лица воды не пить. По рукам пошла твоя жена, а может, и до этого ходила, ведь ты никогда не интересовался ее прошлым.

– Мама! Вы, что все здесь сговорились в Казани? Да не может этого быть. Я верю, Кате и пока не увижу все это своими глазами, никому и никогда не поверю.

Мать замолчала и, взглянув на него, ушла на кухню. Он быстро оделся и, купив по дороге букет цветов, поехал к Кате на такси. Остановив машину напротив ее дома, он перебежал дорогу и быстро вбежал по лестнице на третий этаж. Сердце его стучало так громко, что казалось, что от этого стука могут развалиться все окружающие его дома. Крылов остановился напротив двери, сделал несколько глубоких вдохов и осторожно нажал на кнопку звонка. Он стоял, и все жал и жал эту черную кнопку, словно стараясь вдавить ее в белую отштукатуренную стену. За дверью было по-прежнему тихо. Услышав за спиной легкий щелчок, он обернулся и посмотрел на соседскую дверь. Дверь слегка приоткрылась, и в образовавшем проеме показалась лохматая голова старушки.

– Да не звони ты, – сердито произнесла. – От твоего звонка у меня раскалывается голова. Уехали они с утра на дачу. Летом они постоянно живут там.

– А где Катя? Она тоже уехала с ними на дачу?

– Катька то? Нет. Она никуда не уехала. Дома она, дома. Она часа три назад уехала на машине.

– На такси, бабушка?

– Какое такси? Да нет. Сейчас каждый вечер за ней приезжает какая-то черная машина. Вот она на ней и ездит. Приезжает она поздно, когда в два часа ночи, а иногда появляется только под утро. Старики, похоже, уже махнули на нее рукой. Она никого не слушает, ни мать, ни отца. А ты кем будешь ей? Ухажер, что ли?

– Угадали, бабушка. Ухажер.

Он вышел на улицу и, отпустив такси, сел на лавочку.

* * *

Солнце медленно скрылось за крышами домов. С Казанки потянуло прохладой. Крылов сидел на лавочке и курил одну сигарету за другой. Дом потихоньку засыпал, и во дворе зажглись фонари.

«Где-то вдали, догорает закат,

И фонари ярче горят,

И не дают они, людям сбиться в пути,

Ночные друзья, фонари», – вдруг вспомнил он песню Жана Татляна.

Вскоре стало совсем темно, но он не уходил, все ждал и ждал. Крылов посмотрел на часы, шел второй час ночи. Вдруг из-за угла дома вывернула черная «Волга» и, сверкнув фарами, медленно поехала вдоль дома. Дверь автомашины открылась и на улицу из салона вырвалась громкая музыка. Сердце, словно автомат, моментально отреагировало на появление этой машины и громко застучало груди.

«Неужели, Катя?» – подумал он, а сердце стучало – тук, тук, тук...

Он, не отрываясь, смотрел на машину, стараясь разглядеть в салоне свою супругу. Наконец, из машины вышел мужчина лет тридцати. Он был небольшого роста, лысоватый, с заметным пивным брюшком. Он открыл заднюю дверцу машины и протянул руку. Из салона автомашины вышла Катя и, обняв мужчину, стала целовать его в губы. Кровь прилила к голове Крылова, и в какой-то миг ему показалось, что он потерял способность соображать. Все, происходящее в этом дворе, было больше похоже на сон, чем на реальность.

Катя взглянула на стоявшего в метрах пяти человека и сразу узнала в нем своего мужа. Она испугано попыталась оттолкнуть от себя мужчину, который крепко держал ее в своих объятиях и, похоже, не хотел никуда ее отпускать. Наконец, ей удалось вырваться из его крепких объятий. Она отскочила от него в сторону и испугано уставилась на Крылова.

– Кто это? – спросил ее мужчина, полупьяным голосом, рассматривая стоявшего перед ним молодого человека. – Кто вы такой, и что вам нужно?

– Это мой муж, – коротко ответила Катя и шагнула ему на встречу. – Саша, ты только не подумай ничего плохого. Просто это мой школьный товарищ. Он проводил меня до дома и ничего более. Почему ты мне не позвонил и не сообщил о своем приезде?

– Ты знаешь, я тебе звонил много раз, но ты почему-то не отвечала. Теперь я знаю, почему. Тебе просто было не до меня, ты гуляла...

– Как тебе не стыдно, – ответила Катя. – Ты же хорошо знаешь, как я люблю тебя.

– Ну и сука, ты! Мразь! – тихо произнес Крылов и швырнул ей под ноги букет.

– Ты, почему оскорбляешь при мне эту святую женщину? Может, ты хочешь, чтобы я тебя наказал за это, – произнес мужчина и сделал два шага в его сторону.

Он схватил Крылова за рукав пиджака и попытался оттолкнуть его в сторону. Сильным и точным ударом в челюсть, Крылов опрокинул мужчину на пыльный асфальт. Тот быстро вскочил на ноги и снова попытался схватить его за полы пиджака. Однако, очередной удар заставил его снова упасть на асфальт. В этот раз он уже не пытался подняться с асфальта и закричал тонким и противным голосом:

– Люди! Помогите! Убивают!

Крылов развернулся и направился прочь от этого чужого ему дома.

– Саша! Саша! – закричала Катя и побежала вслед за ним, пытаясь остановить мужа.

– Не трогай меня своими грязными руками! – прокричал он ей в лицо, когда она схватила его за руку. – Шлюха, дрянь!

Он выдернул из ее руки свою руку и, не оборачиваясь, вышел из двора.

Он брел по ночному городу, проклиная тот день, когда впервые увидел Катю. За этими размышлениями он не заметил, как дошел до своего дома. Мать не спала, ждала его возвра-

щения домой и когда услышала его шаги в прихожей, ушла с кухни в комнату. Он прошел на кухню и достал из холодильника бутылку водки. Налив полный стакан, он выпил его одним залпом.

– Не нужно пить, Саша, – тихо произнесла мать, входя на кухню. – Водкой горе не зальешь.

Крылов отодвинул от себя очередной налитый стакан водки, достал с полки сигареты и закурил.

Мать села напротив него и покачала головой. Заметив это, он встал из-за стола и направился в свою комнату. Ему было жалко не только себя, но и мать, которую он, как и себя, обманул своим ложным счастьем.

Утром он проснулся от стука в дверь. Крылов с трудом открыл глаза и попытался понять, где он. Спросонья он никак не мог понять, где находится – в казарме или у себя дома. В комнату вошел младший лейтенант милиции. Он посмотрел на него и прошел к столу.

– Чего смотришь, вояка? Вставай, сейчас пойдешь со мной, – произнес он. – Много не обещаю, но суток пятнадцать, ты у меня получишь. Ты хоть знаешь, кого избил? То-то и оно.

– Куда и за что? – поинтересовался Крылов. – Я офицер-десантник и нахожусь в Казани по вопросам службы. Вы не имеете права меня задерживать. Если считаете, что я что-то нарушил, обратитесь в военную прокуратуру. Если прокуратура посчитает нужным и вынесет постановление о моем задержании, у меня вопросов не будет.

– Покажите документы, – попросил Александра офицер милиции.

Он протянул ему свое офицерское удостоверение личности и, пока тот рассматривал его, успел переодеться в форму.

– За что вы хотели меня задержать? – поинтересовался он у сотрудника милиции.

– Сегодня утром в отдел поступило заявление гражданина Яковлева о том, что вы, находясь в нетрезвом состоянии, избili его. Это подтверждает и ваша супруга.

Крылов невольно усмехнулся и посмотрел на мать.

– Скажите, а сам Яковлев был в этот момент трезв, или нет? Думаю, что нет. Я вообще не употребляю спиртное и готов пройти любую экспертизу.

Милиционер помялся немного и, посмотрев на него, направился к двери.

– Уезжай скорей из города, лейтенант, – посоветовал он Крылову. – Этот человек не забывает подобных обид.

– Спасибо за совет, – поблагодарил он милиционера.

* * *

Через трое суток Крылов вернулся в воинскую часть. Витебск встретил его проливным дождем. Пока он добирался до своей части, он изрядно промок. Быстро проскочив мимо дежурного офицера, Крылов чуть ли не бегом устремился в свою маленькую комнатку, выделенную ему командованием части. Сняв с себя мокрый китель, он повесил его на плечики.

– Крылов! – обратился к нему командир батальона. – Командир части требует, чтобы ты освободил это помещение.

– А, куда мне идти, товарищ майор? Квартиры у меня в городе нет.

– Вот возьми это адрес. Я уже договорился с хозяйкой дома. Берет недорого, правда, и комната не очень большая, но тебе одному, наверняка, хватит.

Он быстро собрал свои вещи и в течение часа, освободил помещение. Да и вещей-то, по правде говоря, у него тогда практически и не было. Небольшой чемодан, да на плечиках парадная форма. Хозяйка дома оказалась чудесным человеком. Он быстро с ней подружился и, на время стал подменять ей сына, уехавшего на строительство Байкало-Амурской магистрали.

Однажды вечером Крылов сидел на лавочке и курил. К нему подошла хозяйка дома и присела рядом.

– Ты женатый, Саша, или нет? – спросила она его.

– Женатый, – коротко ответил он ей. – А почему вы меня об этом спрашиваете?

Ему не хотелось рассказывать ей о жене, о том, как тяжело он переживает этот разрыв, что часто не спит ночами, думая о ней.

– А что не привезешь жену? Почему не пригласишь? Дом у меня, хоть и маленький, но места всем хватит.

– Я ее приглашал поехать со мной, но она отказалась. Сказала, что приедет попозже, – соврал он ей.

– Устал, наверное, все один да один. Трудно мужику без женщины.

– Ничего, Маргарита Ивановна. Мы, люди военные, выдержим все, в том числе и это.

– Ну, тогда, терпи, сынок. Если любит, то обязательно приедет.

Она встала с лавочки и шаркающей походкой направилась в дом. Крылов тоже встал и, загасив окурок сигареты, направился в свою комнату. Он плюхнулся на кровать и закрыл глаза. Перед глазами снова поплыла все та же картина. Машина, мужчина и она, утонувшая в его объятиях. Комок обиды снова подкатил к горлу и перехватил дыхание. Он встал с кровати и стал шагами мерить свою маленькую комнату. Сколько он ходил, он и сам не знает, лишь немного успокоившись, снова лег на кровать.

Чтобы подавить в себе все негативные эмоции, вызванные встречей с женой, Крылов полностью ушел в работу. Он гонял своих солдат и днем и ночью, бегая вместе с ними кроссы, совершая ночные броски в полном боевом снаряжении. Как-то его вызвал к себе командир батальона.

– Крылов, что с тобой? Ты посмотри на себя, да на тебе лица нет. Весь почернел и осунулся. Ладно, Бог с тобой, солдаты на тебя жалуются, говорят, измордовал ты их своими бросками?

– Виноват, товарищ майор. Все занятия идут по плану, утвержденному лично вами. Ничего личного. Это – десантники, и жаловаться вам могут лишь слабенькие.

– Ты все равно, больно не увлекайся этим. У тебя и так рота стала лучшей в полку по всем показателям.

– Вот поэтому я и не хочу опускать эту планку. А слабым, я думаю, нет места в десантных войсках. Здесь все равны – и офицеры, и рядовой состав.

– Ладно, иди, но сделай вывод из нашего разговора.

Он вышел из его кабинета и направился к себе в роту.

* * *

Время летело. Душевная рана, нанесенная женой, стала понемногу затягиваться. Крылов старался как можно меньше думать о ней, однако вечерами, когда он оставался один на один с собой, он снова и снова возвращался мыслями к ней. Однажды, во время занятий, ему позволил дежурный офицер по батальону и попросил его прибыть на контрольно-пропускной пункт.

– Что случилось, товарищ капитан? – спросил он его. – У меня занятия.

– Оставьте вместо себя сержанта и быстро сюда. К тебе приехал родственник из Казани.

Оставив сержанта, он направился на КПП. Каково было его удивление, когда в этом человеке он признал своего тестя.

– Здравствуй, Саша! Как у тебя дела, как служба?

– Здравствуйте, Владимир Павлович, – поздоровался Крылов с ним. – С чем пожаловали? Не думаю, что вы приехали сюда поинтересоваться моим здоровьем и успехами в работе. Живем, как видите...

То ли его ответ прозвучал слишком холодно, но тесть моментально сник и виновато посмотрел на Крылова. Он явно не ожидал от него такого холодного приема. Владимир Павлович укоризненно посмотрел на Александра.

– Я понял тебя, Саша. Ты вот с ней поругался, но я-то в чем виноват перед тобой? Почему молчишь? Я хочу сегодня вечером встретиться с тобой и поговорить, как мужик с мужиком.

Я понимаю, что мы все виноваты перед тобой и я, и она. Но я хочу поговорить с тобой и попытаться разобраться в этой непростой истории. Она нам рассказывает одно – винит тебя, но я хочу услышать и твою точку зрения.

– Не знаю, Владимир Павлович, стоит ли это делать или нет. Просто я даже в самом страшном сне не мог подумать о том, что она мне изменит.

– Почему ты решил, что она тебе изменила? Ты, что застал её в постели с чужим мужиком?

Стоявший не так далеко от них дежурный офицер, как показалось Крылову, стал с интересом прислушиваться к их разговору. Заметив это, он кивком головы указал тестю на офицера.

– Давай, вечером поговорим на эту тему. Здесь не стоит об этом говорить.

– Хорошо, Владимир Павлович. Я заканчиваю в семь вечера. Подходите к части, я вас буду ждать.

Вечером, как и договаривались, тесть встретил Крылова у ворот воинской части и пригласил поужинать в ресторане. Они сели в такси и поехали в центр города. Похоже, что столик в этом дорогом ресторане Владимир Павлович заказал еще днем. Они присели за стол. Официанты быстро обслуживали их столик. Выпив две рюмки коньяка, тесть перешел к разговору, из-за которого он и приехал к нему.

– Саша! Выслушай меня. Ты должен правильно понять мою дочь. Ты здесь, в Витебске, а она там – в Казани. Вы оба молоды, в вас играют гормоны, – начал он свой монолог.

Крылов прервал его на полуслове.

– Извините меня, Владимир Павлович, но не она меня поймала с женщиной, а я ее с мужчиной. Заметьте, это большая и существенная разница. Я здесь армейскую лямку тяну, отправляю ей в Казань половину своей зарплаты, а она, вместо благодарности и верности, тратит эти деньги на мужиков и рестораны.

Крылов замолчал и впервые за все время их знакомства с тестем взял в руки бутылку коньяка и налил себе половину бокала. Пока тот удивленно смотрел на «непьющего» зятя, он залпом выпил содержимое бокала и стал закусывать холодной говядиной.

– Саша! – снова начал тесть. – Ты прости ее. Она молодая, красивая и избалованная женщина, требующая к себе постоянного внимания. Раз тебя нет с ней рядом, значит, кто-то другой попытался сделать это за тебя. Она и сама очень переживает этот разрыв, ведь она любит тебя и дорожит твоим вниманием.

Крылов отложил вилку в сторону и посмотрел на тестя, рюмка которого до сих пор была наполнена коньяком.

– Это только ваши слова, Владимир Павлович, и не более. Люди правильно говорят, что любовь проверяется разлукой. Так вот, ваша дочь не прошла эту проверку, и все ваши слова о ее любви не соответствуют действительности. Вы же хорошо знаете, как я любил ее? Я готов был умереть ради нее. Увы, это все в прошлом.

– Что значит, любил, Саша? Ведь ты ее до сих пор любишь, а иначе не стал бы со мной встречаться. Я человек не молодой и хорошо разбираюсь в людях. Вот и тебя я сейчас читаю, как раскрытую книгу. Зачем ты гонишь от себя любовь? Зачем ты мучаешь себя и ее?

Владимир Павлович замолчал и, взяв в руку бутылку, налил коньяк в его рюмку. Они выпили, словно на похоронах, и стали закусывать. Он снова начал говорить:

– Ты знаешь, я никогда и никого ни о чем не просил в этой жизни, а вот сейчас, перебив себя и плюнув на все свои принципы, приехал сюда и прошу тебя простить ее. Вы оба молоды, красивы. У вас все еще впереди. Ты только представь, какими красивыми могут быть ваши дети. Мне трудно говорить за нее, но это – правда. Она очень переживает, что у вас так получилось.

Он сделал паузу и посмотрел на Крылова, стараясь что-то прочесть на его угрюмом лице.

– У меня жена сейчас слегла из-за этого. Пожалей нас, Саша. Я прошу тебя, перед тем как рубить, подумай. Сломать всегда проще, чем что-то построить. Вы еще с Катей ничего не построили. Вы только заложили фундамент своих отношений. Прости ее. Она и сама теперь очень жалеет о своем поступке и хочет приехать к тебе сюда, чтобы построить вместе с тобой счастливую жизнь.

– Отец! – он впервые назвал так тестя, – Вы знаете, что с момента нашего разрыва она ни разу не позвонила мне. Не попыталась объяснить, извиниться, а вы мне говорите, что она очень переживает наш разрыв. Я не верю ей и сейчас жалею, что испортил жизнь не только себе, но и ей.

Крылов замолчал, так как сам тогда еще не знал, как ему жить дальше. Ему было тяжело осознавать ее измену, но еще тяжелей было переживать отсутствие Кати рядом с собой. Он снова потянулся за бутылкой коньяка, реально осознавая, что пытается выиграть какие-то секунды в этом затянувшемся разговоре. Крылов разлил коньяк по рюмкам и, подняв глаза на тестя, тихо произнес:

– Хорошо, Владимир Павлович. Считайте, что вы меня убедили в ее верности и любви ко мне. Пусть приезжает ко мне сюда. Время лечит. Посмотрим, сможем ли мы забыть это.

– Спасибо! – произнес тестя, вставая из-за стола. – Ты – настоящий мужчина, который может прощать обиды ради самого главного на земле – любви и будущих детей.

Они выпили. До отхода его поезда оставалось чуть более часа. Расплатившись с официантом, Владимир Павлович забрал свои вещи из гостиницы и поехал на железнодорожный вокзал, а Крылов направился к себе, в маленькую, но уютную комнату.

* * *

Прошло две недели после встречи с тестем. Крылов стоял около киоска «Союзпечать» и прислушивался к объявлениям вокзального диктора. Вокруг него сновали люди с чемоданами и баулами. Мимо шли старики, женщины с детьми на руках, все куда-то спешили, кто-то на встречу с будущим, кто-то бежал прочь от прошлого. Наконец, диктор объявил о прибытии долгожданного им состава. Бросив недокурную сигарету в урну, он направился к третьему пути, на который прибывал поезд. Нумерация вагонов была нарушена, и вагон, в котором ехала Катя, оказался в конце состава.

Она вышла из вагона и стала удивленно оглядываться вокруг, ища глазами Крылова. Наконец, она заметила его и приветливо помахала рукой.

– Здравствуй, Катя, – поздоровался он с ней. – Как дорога?

– Привет, Крылов! Я всю дорогу думала о тебе. Все гадала, как ты меня встретишь.

– И как?

Она бросилась ему на шею и стала горячо целовать его в губы, не обращая внимания на пассажиров вагона, которые с улыбками на лице обходили стороной целующуюся пару.

– Ну что, пойдём, – предложил он ей.

– Да, да, Саша, пойдём...

Подхватив чемоданы, они, улыбаясь и непринужденно разговаривая, направилась к выходу с вокзала.

– Ты даже не представляешь, Саша, как я рада нашей встрече, – шептала она ему в ухо. – Я так по тебе скучала все эти дни. Спасибо папе, что он смог все это тебе объяснить. Ну, и как ты здесь без меня? Скучал?

– Трудно сказать, – неопределенно произнес Крылов. – Всякое было. А ты и вправду скучала или просто лечишь меня?

– Да! Неужели ты не веришь мне? – коротко ответила она и крепко прижалась к нему. – Ты прости меня, Саша. Я очень тебя люблю и ценю наши с тобой отношения.

Крылов посмотрел на нее, так как не почувствовал искренности в ее словах. Все это было сказано, как-то чисто механически – заранее придуманными и заученными фразами. Он еще раз посмотрел на нее, стараясь убедить себя в том, что ему это просто показалось, что она по-прежнему нежна и искренна перед ним. Заметив его пристальный взгляд, она улыбнулась.

– Скажи, Саша, мы так и будем стоять или пойдем дальше? Не знаю, как ты, но я озябла и хочу домой.

Крылов словно очнулся от ее слов и окликнул носильщика, который стоял в стороне. Тот быстро погрузил чемоданы на тележку и они все направились к стоянке автомашин, где ждала его служебная автомашина.

– Товарищ лейтенант! Вы, почему нарушаете устав, не приветствуете старшего по званию?

Крылов обернулся и увидел заместителя командира батальона по политической части майора Грачева. Видимо, увлеченный разговором с супругой, он действительно не заметил его.

– Извините, товарищ майор, не заметил. Виноват, – ответил он и приложил руку к берету.

– Плохо, товарищ лейтенант. Доложите вашему командиру батальона о моем замечании, я проверю исполнение.

– Есть, товарищ майор, доложить командиру батальона.

О майоре Грачеве ходили легенды в полку. Кто-то утверждал, что он какой-то дальний родственник начальника Политического управления Советской Армии Епишева, и только благодаря этому в свои неполные двадцать восемь лет ему удалось занять эту должность и получить подряд два досрочных звания. Другие же говорили о том, что он был сослан в полк за то, что был любовником дочери одного из членов ЦК КПСС. Не понятно почему, но он не вызывал у Крылова ни малейшей симпатии. Грачев был очень красивым от природы человеком, с тонкими, словно у женщины, чертами лица. У него были светлые густые волосы, которые его здорово молодили, и многие люди, впервые увидевшие его, редко давали ему двадцать восемь лет. Он всячески устранился от тяжелой работы, которая иногда бывает в воинских частях, предпочитая смотреть на работающих офицеров со стороны. Офицеры части его не уважали за это, среди них был и Крылов. Александр вообще не любил красивых мужчин с такими тонкими и музыкальными руками. Ему всегда казалось, что все эти красавцы больше походили на капризных женщин, чем на волевых и сильных мужчин.

Не обращая внимания на него, Грачев продолжал с ног до головы рассматривать Катю. В его глазах все сильнее и сильнее разгорались огоньки похоти. Катю почему-то не смущало, что ее так пристально рассматривает этот незнакомый ей офицер.

– Товарищ майор, извините, но нам нужно ехать, – произнес Крылов.

– Скажите, лейтенант, кем приходится вам эта красивая и обворожительная женщина?

– Женой, товарищ майор.

– Вам сильно повезло, лейтенант. Не каждый из нас может похвастаться такой красивой женой, – произнес он и улыбнулся Кате. – Я думаю, что она точно станет бриллиантом в нашем сером военном быту.

Крылов промолчал, еле сдерживая себя от внезапно накотившего приступа ревности. Катя, словно ожидая подобного комплимента из уст этого красивого мужчины, слегка покраснела и кокетливо опустила вниз свои красивые глаза. В гарнизоне ходил слух, что Грачев разошелся со своей женой и в настоящее время живет один и, якобы, он сейчас не пропускает мимо себя ни одной женской юбки. Майор еще раз улыбнулся его жене и проследовал дальше.

– Саша, кто этот красивый мужчина? – поинтересовалась она. – Он мне чем-то напоминает американского актера.

– Замполит нашей части – майор Грачев. Что, произвел неизгладимое впечатление, Катя? Это еще тот бабник, ни одной юбки не пропустит мимо себя.

– Это вполне естественно с такими данными, как у него. Ему в кино сниматься, а не торчать здесь, в этой дыре.

Она загадочно улыбнулась и посмотрела вслед удаляющейся фигуре Грачева, чем вызвала у него очередной взрыв ревности.

– Ты идешь или нет? – спросил Крылов ее и, не обращая внимания на жену, стал грузить чемоданы в багажник машины.

Погрузив чемоданы, они поехали к нему домой.

– Саша, нам еще далеко? – спросила Катя, рассматривая из окна небольшие дома, стоящие вдоль дороги.

– Уже нет. От силы еще минут десять-пятнадцать, – ответил он и крепко обнял ее за плечи.

– Саша, а чем здесь занимаются жены офицеров? – поинтересовалась она у него. – В этом городе есть хоть куда-то сходить, или кроме армейского клуба ничего нет?

– Все узнаешь, милая. Поговоришь с женщинами, они тебе все расскажут.

Она замолчала. Похоже, его ответ не удовлетворил ее любопытство. Ее сочные и красивые губки надулись, как у обиженного ребенка и она отвернулась от него в сторону. Через десять минут они были дома.

* * *

Крылов проснулся оттого, что солнечный луч бил прямо ему в глаза. Он повернулся и посмотрел на спящую рядом с ним жену. Обнаженная фигура была божественно прекрасной. Соски ее груди невольно напомнили ему о пережитых накануне ласках. В лучах восходящего солнца, кожа ее приобрела какой-то незнакомый ему оттенок. Ее черные густые волосы были небрежно рассыпаны по белой подушке.

Он быстро поднялся с кровати и, взглянув на часы, вышел во двор и приступил к зарядке. Вылив на себя ведро холодной воды, он вернулся в дом. Стараясь не шуметь и не разбудить жену, он быстро побрился и, натянув на себя полевую форму, осторожно прошел на маленькую кухню. Сделав себе яичницу и запив все чаем, он тихо направился к двери. Проходя мимо комнаты, он снова невольно посмотрел на спящую жену.

«Боже мой! – подумал он, – какая она красивая».

Катя лежала в кровати, словно богиня, и он в тот момент пожалел, что не художник и не мог запечатлеть ее спящую. Он осторожно закрыл за собой дверь и направился на службу.

После обеда Крылова вызвал к себе майор Грачев.

«Что ему от меня нужно? – раздраженно подумал он. – Сейчас опять начнет читать нотации о дисциплине».

Выйдя из расположения роты, он направился в другой корпус, в котором размещался штаб части. Поднявшись на второй этаж, Крылов остановился напротив двери его кабинета. Сбоку от двери была прикреплена до блеска начищенная медная табличка, на которой была указана должность и фамилия Грачева. Ни у кого, кроме него, подобных табличек не было. Крылов осторожно постучал и вошел в кабинет.

– Здравия желаю, товарищ майор. Лейтенант Крылов прибыл по вашему приказанию.

Грачев сидел за большим полированным столом и, не отрывая своих глаз от бумаг, лежавших у него на столе, указал ему рукой на стул.

— Присаживайся, лейтенант.

Крылов сел на стул и стал с нескрываемым интересом осматривать рабочий кабинет замполита. Помещение было не очень большим, заставлено стеллажами и шкафами, в которых плотными рядами стояли труды Ленина и выдающихся работников Центрального комитета КПСС. Наконец Грачев оторвался от бумаг и посмотрел на него.

– Как служба, Крылов? Как ваша супруга? Обживает новое место?

– Да, товарищ майор. У меня и у моей супруги все хорошо. Спасибо за внимание ко мне и супруге.

Он ухмыльнулся его ответу. Большие глаза Грачева, которыми он буравил его, были холодны, словно лед. От его пристального взгляда Крылову стало некомфортно, и он невольно заерзал на стуле. Замполит взял со стола пачку сигарет «Мальборо» и, достав из нее сигарету, закурил. Выпустив клуб голубоватого дыма в потолок, он заговорил:

– Я вот зачем тебя пригласил к себе, лейтенант. Судя по анкете, ваша жена Екатерина Владимировна окончила Казанский медицинский институт. Вы знаете, у нас в санчасти освобождается место терапевта. Бывший терапевт, Хромова Светлана Павловна, вместе с мужем уезжает служить в другой гарнизон. Вот я и решил помочь вашей жене с работой. Как вы сами на это смотрите, Крылов?

Данное предложение было столь неожиданным для него, что он не сразу смог понять его смысл. Насколько он знал, на эту должность уже претендовало несколько жен офицеров их части, имевших медицинское образование.

– А это удобно, товарищ майор? По-моему, на это место претендует жена командира второго батальона. Что скажет она? Мне не хотелось бы наживать врагов среди офицеров.

Грачев громко засмеялся.

– Какой ты, оказывается, стеснительный. А мне, в отличие от тебя, плевать на то, что скажут или, что подумают эти люди. Я это решение уже согласовал с командиром части.

Крылов посмотрел на него, стараясь угадать, что он будет должен майору за это предложение. Он хорошо знал, что майор Грачев ничего просто так не делал, если не видел в этом своего интереса. Перехватив взгляд Крылова, он снова слегка ухмыльнулся и посмотрел на него, словно догадавшись, о чем он думал в этот момент.

– Вы что так на меня смотрите, лейтенант? – тихо спросил он его. – Может, вас не устраивает мое предложение? Запомните, я дважды не предлагаю. Вам это ясно, Крылов?

– Спасибо, Антон Сергеевич, – поблагодарил его Александр, впервые назвав замполита по имени и отчеству. – Просто все так неожиданно для меня. Ведь вы меня практически не знаете, и вдруг такая помощь в трудоустройстве моей жены, такое участие. Я непременно передам ваше предложение своей супруге, пусть думает.

– Вот и хорошо, Крылов. Если она согласна, то пусть завтра придет ко мне. Мы вместе с ней сходим в медсанчасть и там все обстоятельно обговорим. А то, что мы с вами практически не знакомы, это неправда. Я все о вас знаю. Даже то, что вы так тщательно скрывали от своих товарищей и командиров. Не верите?

Крылов удивленно взглянул на него, не понимая, о чем он говорит.

– Представьте себе, да. Я все знаю, в том числе и о ваших похождениях в Казани. Что вы так на меня смотрите? Я – око партии в части, а партия должна знать все о каждом ее члене.

– Разрешите идти, товарищ майор?

– Идите, лейтенант. Я вас больше не задерживаю.

Крылов развернулся и, открыв дверь, вышел из его кабинета. Этот разговор заставил его совершенно по-другому посмотреть на этого человека.

«Выходит, что я так тщательно скрывал от командования части, известно этому человеку, – подумал он. – Интересно, кто ему это все рассказал?»

* * *

Вечером, когда они с женой сели за стол ужинать, Крылов передал ей свой разговор с майором Грачевым. Выслушав его, Катя очень обрадовалась полученному предложению. В разговоре он рассказал ей о том, что на эту должность очень рассчитывала жена командира второго батальона и, насколько он знал, именно Грачев ей лично пообещал эту должность. Катя сидела и молчала, словно не слышала его. Встав из-за стола, она буквально бросилась к своему большому чемодану и стала быстро выкладывать из него свои вещи.

– Саша, а что мне завтра надеть? – спросила она его. – Как думаешь, вот это платье подойдет?

Александр посмотрел сначала на ее горящие глаза, затем перевел свой взгляд на темно-зеленое платье, которое она держала в руках, и покачал головой.

– Катя! Надень что-нибудь более скромное. Это воинская часть, а не театр.

Она таинственно подмигнула супругу и снова полезла в свой большой, и казалось, бездонный чемодан.

– Как ты смотришь на это платье? Если я это надену, как думаешь, будет нормально или нет? – снова обратилась она к нему. – Нет, я надену вот, это.

Он усмехнулся и махнул на нее рукой. Платье действительно было очень красивым и хорошо шло к ее черным, как смоль, волосам.

– Вот так всегда, – обижено произнесла она. – Неужели тебе не понравится, если я пойду к нему в этом платье. Пусть позавидует, какая у лейтенанта Крылова красивая жена.

Утром он проводил занятие с солдатами своей роты, когда его вызвал к себе майор Грачев. Оставив вместо себя своего заместителя, Крылов направился к Грачеву.

– А, Крылов, давай заходи, не стой в дверях, – произнес он, не давая ему возможности доложить о прибытии. – Ну, что скажешь, лейтенант? Разговаривал я с твоей женой. Ты случайно не в курсе, согласилась она на мое предложение или нет?

– Скрывать не буду, товарищ майор, я с ней еще не успел переговорить. Но не думаю, что она не согласится. Спасибо вам, товарищ майор, за содействие.

– Значит, говоришь, согласится на это предложение? – спросил он Крылова и как-то загадочно улыбнулся. – Это хорошо, лейтенант. Мы должны помогать друг другу. Ведь, как нас учит партия, человек человеку друг, товарищ и брат.

Улыбка его тонких губ невольно вызвала в глубине души Крылова какую-то неприятную реакцию. Видно, почувствовав это, майор снова взглянул на него, словно стараясь угадать, что он думал в этот момент.

– Спасибо, товарищ майор, – еще раз поблагодарил он замполита.

– Тогда иди, я тебя больше не держу, лейтенант.

Крылов повернулся и направился к двери. В этот момент дверь его кабинета открылась и в кабинет вошла Катя, заноса в помещение шлейф дорогих духов. Она улыбнулась Грачеву, и, словно Александра не было в кабинете, сразу же направилась к нему. Крылов остановился в дверях, не зная, что ему предпринимать дальше, ждать ее или уходить. Однако, Грачев снова напомнил ему о том, что он может быть свободен. Он шел по плацу, не замечая попадавших ему навстречу солдат. В душе у него горел огонь ревности, который с каждой секундой все больше и больше выжигал в нем все доброе и хорошее.

Вечером весь разговор жены крутился вокруг фамилии Грачева. Жена была просто восхищена его светскими манерами, его комплиментами в ее адрес. В конце концов, терпение Крылова лопнуло.

– Может, хватит, Катя, – произнес он. – Что, других тем для разговора нет? Давай, поменяем эту тему на другую. Если тебе так нравится этот человек, то мне, в отличие от тебя, нет.

– Что с тобой, Саша? Неужели ты меня ревнуешь к нему? Ты же знаешь, что я люблю только тебя и никого другого. Я тебе рассказываю про него не потому, что он мне понравился, а потому, что хочу, чтобы ты стал таким же обходительным, как он.

Он промолчал, так как в душе у него все кипело. Он никогда раньше не замечал за собой этой черты и всегда считал, что люди чаще всего изображают ревность, даже не представляя себе, что это такое.

На следующий день Крылова вызвал к себе командир батальона.

– Вот, что Крылов, – усмехаясь, произнес майор. – Командование части направляет тебя в командировку. Ты должен поехать в Минск и доставить оттуда оборудование для учебного класса.

– А почему я, товарищ майор? Разве у нас в части нет интендантов? Это же их задача?

– Это не ко мне, лейтенант, – холодно произнес комбат. – Не я тебя туда направляю, едешь с Вавиловым.

– Есть, – без всякого энтузиазма ответил Крылов.

Через три недели он вернулся обратно в часть. Катя уже работала терапевтом в санчасти. Судя по ее хорошему настроению, он понял, что работа ей очень нравилась. Крылов смотрел на ее счастливое лицо и невольно радовался, что все так хорошо складывается в их семейной жизни.

* * *

Время текло, вскоре наступила осень. Листья кленов, растущих по дороге в часть, устлали всю дорогу золотистым ковром. Где-то звучала песня...

*«Снова осень в дом стучится,
Вновь она пришла ко мне.
Ветер с листьями кружится
Он хотел остановиться,
Но не может и опять кружит во мгле.
Я хотел, чтоб этот ветер
Никогда не затихал,
Чтоб кружился он с девчонкой,
Этой маленькой девчонкой,
Чтобы так же ее нежно обнимал.»*

Крылов сидел и смотрел в окно, за которым шел дождь. Капли дождя монотонно стучали в окно, словно хотели что-то рассказать ему. Какое-то нехорошее предчувствие беды поселилось в его душе. Это чувство то усиливалось, но никогда не покидало его.

Они вместе с женой уходили утром в часть и вместе возвращались с работы. Со стороны казалось, что в его жизни наступила настоящая семейная идиллия, но это был мираж.

– Слушай, Катя! Как ты смотришь на то, чтобы нам с тобой обзавестись потомством? Да и квартиру в этом случае получить будет намного проще. Что ты молчишь?

Она вздрогнула от этих слов и посмотрела на него, как на ненормального.

– Крылов! Ты хоть понимаешь, о чем ты говоришь? Я ведь не Дева Мария, чтобы рожать ребенка в этом хлеву. Да и рано еще мне об этом думать. Ты сам посуди, женщина после родов может пополнеть, подурнеть, если хочешь. У нее меняется фигура в худшую сторону. Ты что, хочешь, чтобы я превратилась в какую-то квашню?

– Почему ты так решила, Катя, что роды испортят тебя. Многие женщины после родов, наоборот, расцветают.

– Я и так не плоха. Расцветать сейчас, когда у нас нет ни квартиры и никаких стимулов, я не хочу. Так что забудь об этом.

Крылов замолчал. Ему не хотелось с ней ни ругаться, ни спорить. Нет, так нет, решил он, в душе все еще надеясь, что она изменит свое решение.

Катя быстро обзавелась множеством подруг, и они практически каждое воскресенье ходили в гости друг к другу. Он не обращал никакого внимания на то, что его жена все чаще и чаще стала задерживаться на работе. Ничего удивительного, стояла осень, и многие солдаты обращались в санчасть с простудными заболеваниями.

Заканчивался октябрь. Как-то вечером Крылов зашел за женой в санчасть, чтобы вместе с ней идти домой. Втайне от нее, он купил два билета на вечерний сеанс в кинотеатр и сейчас, открывая дверь ее рабочего кабинета, он заранее предвидел ее радость по этому поводу. В

кинотеатре шел известный американский фильм «Золото Маккенны», который она очень хотела посмотреть. Перед тем, как открыть дверь ее кабинета, он постучал. Однако, за плотно закрытой дверью стояла тишина. Он был немного удивлен этим и с силой толкнул дверь рукой. Кабинет терапевта был закрыт на ключ, несмотря на время приема. Отсутствие жены на рабочем месте его просто обескуражило. С Катей он разговаривал в обеденный перерыв, и она даже словом не обмолвилась, что задержится на работе или уйдет с нее раньше времени.

– Валечка! – обратился он к дежурной медсестре. – Вы не подскажите, где Екатерина Владимировна?

– Не знаю, товарищ лейтенант. Два часа назад за ней зашел майор Грачев, и они вместе с ним куда-то ушли.

– Вы случайно не знаете, куда они пошли? – поинтересовался Крылов у нее. – Может, она вам сказала, куда пошла?

Валечка, не скрывая усмешки, посмотрела на него, словно перед ней стоял не офицер-десантник, а какой-то идиот.

– Вы уж извините меня, товарищ лейтенант, но она мне не докладывает об этом. Вы бы сами поинтересовались у нее, куда она так часто ходит с майором Грачевым.

Ее слова, словно плеть, безжалостно хлестнули по его лицу. Крылов моментально почувствовал, как к голове прилила кровь. Теперь ему стали ясны все эти постоянные задержки на работе. Он был не просто подавлен этой новостью, а скорей раздавлен. Поблагодарив Валечку, он оставил ей два билета в кино и, повернувшись, медленно побрел к выходу из санчасти. Он шел по улице на «автомате», всё время, думая о своей жене.

«Дурак! Рогоносец! Скоморох! – ругал он себя. – Неужели любовь ослепила тебя, и ты снова перестал видеть то, что видели другие».

Он искал в себе те недостатки, которые могли бы толкнуть ее в объятия этого человека. По дороге домой он зашел в продуктовый магазин и купил бутылку водки. Дома он достал из шкафа граненый стакан и наполнил его до краев водкой. Он выпил одним залпом содержимое стакана, не почувствовав ни вкуса, ни запаха водки. Впервые в жизни ему захотелось смертельно напиться и умереть. Он снова подошел к столу и налил полный стакан водки, которую тут же выпил. Однако, ожидаемого облегчения он не получил. Хмель не брал его, словно он пил воду, а не водку.

«Вот и водка не берет, – с сожалением подумал он. – Как же унять эту боль в груди?»

Вылив остатки водки в стакан, он снова выпил. Не раздеваясь, он упал на диван и, закрыв глаза, стал ждать возвращения Кати домой.

Она пришла домой около десяти часов вечера. Катя была явно навеселе. Ее большие глаза сверкали от какого-то внутреннего счастья. Крылов встал с дивана и попытался обнять ее, но она скинула его руки с плеч.

– Извини, Саша. Я очень устала на работе и мне сейчас не до этого.

Обнимая ее, он случайно уловил запах дорогого мужского одеколона. Он моментально вспомнил этот запах. Этим одеколоном пахло в кабинете майора Грачева.

– Ты где была, Катя? Почему от тебя так пахнет мужским одеколоном? Я заходил к тебе после работы, но тебя на месте не застал.

Она взглянула на него и с нескрываемой злостью ответила.

– Ты что меня позоришь, Крылов? Ты что меня караулишь? Ты знаешь, Саша, я была на выезде. Заболела жена командира первого батальона и мне пришлось ехать к ней домой.

– И как она? Надеюсь, ничего страшного? – произнес Крылов и усмехнулся.

– Почему ты меня об этом спрашиваешь? Раньше тебя это почему-то не интересовало. Ты что, не веришь мне? – произнесла она и гордо вскинула свою красивую голову.

Он снова усмехнулся.

– Просто раньше ты мне так нагло не врала. Тебе не кажется, Катя, что тебе пора со мной объясниться. Почему я узнаю от посторонних людей, что у тебя в кабинете постоянно торчит замполит? Он что, хронически болен?

Он пристально посмотрел на нее. Он хорошо видел, как заплыло от негодования ее лицо, отчего стало еще красивее. Он не стал ее больше ни о чем расспрашивать и, сев на диван, включил телевизор. Разговор начала она.

– Саша! Тебе не кажется, что в таких условиях, как мы с тобой живем, жить просто невозможно? Когда мы будем жить так, как живут нормальные люди? Вот сейчас я вошла в наш дом и сразу почувствовала все его убожество. Я раньше и не представляла, что когда-нибудь буду коротать все вечера в каком-то фанерном домике, уставившись в старый черно-белый телевизор.

Она заплакала и укоризненно посмотрела на Крылова, словно от него лично зависело решение, где им жить.

– Катя! Мы тоже когда-нибудь будем жить так, как все нормальные люди. Я тебе это обещаю. Ты же понимаешь, что все это временные трудности. Насколько я знаю, на следующий год часть начнет строительство нового жилого дома. Я завтра пойду в штаб части и напишу рапорт на получение квартиры.

Она перестала плакать и внимательно посмотрела на него, словно сравнивая его с кем-то.

– Ничего ты не понимаешь, Саша, – тихо произнесла она. – Ты напишешь эту бумажку, и она годами будет пылиться на чьем-то столе. Ты понимаешь, я сейчас жить хочу, а не потом, когда стану старой и страшной. Неужели ты совсем не понимаешь меня?

То ли от выпитой водки, то ли от очередного приступа ревности и обиды, Крылов чуть ли не закричал на нее:

– Тогда объясни мне, что же я не понимаю? Ты же знала, за кого ты выходишь замуж. Я ведь ничего тебе не обещал, кроме того, что буду любить тебя вечно. Если тебе здесь так плохо, то можешь возвращаться обратно в Казань. По крайней мере, в меня никто не будет тыкать пальцем, и смеяться мне в спину, намекая на твои шашни с Грачевым.

Она сверкнула глазами, словно пыталась сжечь его своей ненавистью.

– Ты понимаешь, Саша, я, в отличие от тебя, материалистка. Ты живешь интересами государства, а я своими интересами, которые совершенно противоположны твоим интересам. Ты живешь будущим, а я сегодняшним днем. А любовь, про которую ты так часто говоришь, это все слова и не более. Ее специально придумали такие люди, как ты, идеалисты. Это они придумали, что с милым рай и в шалаше, чтобы ничего не делать. Мне это все надоело. Я хочу жить, жить сейчас, а не потом. Ты прости меня, но в этой жизни я тебя не вижу.

Это был настоящий удар ниже пояса. Он встал с дивана и, чтобы не ударить ее, вышел на крыльцо. Достав сигарету, он закурил. Немного успокоившись, он вернулся обратно в комнату. Жена уже сняла с себя платье и надела домашний халат. Не раздеваясь, она легла на кровать. Крылов лег рядом с ней и снова попытался ее обнять. Неожиданно для него она скинула его руку с себя.

– Не трогай меня, пожалуйста! Мне не нужны твои ласки, и будет намного лучше, если ты ляжешь на диван.

Крылов закусил от обиды губу.

– Что это все значит? Объясни!

Катя встала с кровати и, взглянув на него, тихо произнесла, окончательно пригвоздив его своей откровенностью:

– Ты знаешь, Крылов, я тебе в очередной раз изменила, – произнесла она и усмехнулась. – Да, да, и не смотри так на меня. Да, изменила и не только сегодня, я тебе изменила уже не раз. Ты знаешь, он не такой как ты, солдафон. Он умеет ценить женскую красоту, красиво

ухаживает. Скажу большее, он сегодня сделал мне предложение – уехать с ним в Москву, и я ему не смогла отказать. Его переводят служить в Главное политуправление Советской Армии.

Крылов встал с дивана. В нем все закипело. Он был готов убить ее прямо здесь, в этой комнате.

– Катя! Я надеюсь, что ты так глупо пошутила, – стараясь разрядить обстановку, произнес он. – Скажи, что ты сказала это лишь для того, чтобы раззадорить меня.

– Нет, это не шутка, Крылов. Я говорю это вполне серьезно. Сегодня Грачеву присвоили внеочередное досрочное звание подполковника, и он меня пригласил отметить с ним этот праздник в ресторане. Затем мы поехали к нему домой. Там все и продолжилось, что было раньше. Я знаю, ты можешь сейчас устроить скандал, даже убить меня, но я тебе не вру. Завтра я уйду от тебя, и временно поселюсь в гостинице, а также подам в суд на развод. Я надеюсь на твою порядочность, что ты не будешь препятствовать этому процессу. Ты сам понимаешь, что драться из-за меня с Грачевым глупо, тебе еще долго служить в армии. Я уже все решила сама и ты меня ничем не остановишь. Не смотри на меня так. Да, я – шваль! Я – шлюха! Но, что сделаешь, если я вот такая. Ты же знаешь, я всегда хотела жить в Москве и я ни за что не упущу эту возможность. А в отношении любви могу сказать одно. Я тебя, Крылов, никогда не любила. Надеюсь, ты понял меня? Никогда! Все это была игра и, похоже, я играла неплохо, если ты мне верил!

Он не стал скандалить. Он просто оделся и вышел из дома. Постояв несколько минут на улице, он пешком направился в воинскую часть, где и провел остаток ночи.

* * *

Не знаю, что произошло с ним, но с этого дня его жизнь пошла вразнос. Она из цветной и красивой, стала черно-белой. Он всю неделю пил, закрывшись в своей маленькой комнатке, и не выходил на службу. Как-то вечером к нему зашел командир батальона. Взглянув на кучу пустых бутылок из-под водки, валявшихся под столом, он молча покачал головой.

– Пьешь, Крылов? Раскис, словно баба! Радоваться надо, что расстался со своей женой, а не горевать. Что ты в ней нашел? Красоту? Так это временное состояние, сегодня она, красота, есть, а завтра ее и нет. Ты еще молодой и найдешь еще с десяток таких же красивых баб, как она. Вот ты позарился на ее красоту, а я, выбирая себе подругу по жизни, выбирал по другому принципу. Для меня, как для мужика, было намного важнее другое. Мне всегда хотелось, чтобы меня всегда кто-то ждал дома. Ждал со службы, ждал с войны, как ждала моя мать отца с фронта. Чем моя жена хуже твоей Кати? Может, твоя немного и смазливей моей жены, но я всегда знаю только одно, что она меня всегда ждет, каким бы я не пришел домой. А ты чуть-чуть споткнулся в жизни и ушел в запой.

Он взял со стола недопитую бутылку водки, вылил её в пустой стакан, который стоял на столе. Крякнув, словно утка, он выпил водку.

– Все, Саша, больше пить нечего. Я оставил часового около твоей двери. Он тебя из дома никуда не выпустит. Так что ложись спать, а утром – на службу. Кстати, командиру части удалось замять твой скандал с Грачевым, так что не переживай, все будет нормально.

Крылов закрыл глаза и моментально вспомнил этот момент, когда он, разгоряченный выпитой водкой, вошел в кабинет Грачева. Он хорошо запомнил его испуганное лицо, мелко дрожащие руки. Грачев попытался что-то сказать в свое оправдание, но, видно, от страха потерял дар речи. Он смотрел на Крылова, ожидая, по всей вероятности, скандала, но его почему-то не произошло.

– Сначала я хотел убить тебя, Грачев, но потом передумал. Хочу сказать лишь одно: на чужом несчастье счастья не построишь. Мне жалко тебя, Грачев, эта тварь, да, да, тварь швырнет и тебя, если у нее на горизонте замаячит другая высокопоставленная звезда. Так что, живи и радуйся жизни. Может, приведет Господь, и увидимся еще на этом свете.

На следующий день Крылов пришел в свою роту. Для него снова началась обыденная и каждодневная работа с личным составом разведывательного взвода. Он не вылезал из подразделения и старался сделать все, чтобы солдаты его взвода с благодарностью вспоминали дни своей службы. Вскоре его подразделение снова было признано лучшим сначала в полку, а затем и в дивизии.

Сказать о том, что он страдал без женского внимания нельзя. У него были женщины, но среди них не было ни одной, которую он смог бы полюбить.

Шла весна, буйная, ранняя. Где-то далеко в Афганистане шла война, о которой он знал лишь из средств массовой информации, да еще из рассказов служивших там офицеров части. Однажды его вызвали в штаб батальона.

– Привет, Крылов, – поздоровался с ним дежурный офицер.

– Слушай, Гриша! – обратился он к офицеру. – Ты не знаешь, в связи с чем меня вызвал командир батальона?

– Знаю, – сделав таинственное лицо, произнес он. – Приехал командир полка и еще кто-то из штаба дивизии. Они формируют специальную группу, которая по разнарядке должна отправиться в Афганистан. Командиром группы хотят назначить тебя. Как ты на это смотришь? Ты – мужик не женатый, оплакивать тебя кроме матери некому.

– Типун тебе на язык, чтобы не болтал такой чепухи. Я не самоубийца, чтобы добровольно ехать туда, но и не дезертир, который из-за страха не выполнит приказ командования. Если прикажут, поеду, но сам напрашиваться не буду.

– Они тоже так думают. Так что приказ уже заготовлен. Вон он, лежит на краю стола, если хочешь, можешь посмотреть.

– Ты это серьезно? Странно. Я еще ничего не сказал, а меня уже женили.

Он засмеялся и поднял трубку зазвонившего у него на столе телефона.

– Да, да, товарищ майор. Он уже прибыл, – произнес Гриша и посмотрел на Крылова. – Ну что, вперед, гвардеец, – произнес он и указал Александру на дверь кабинета командира батальона. – Удачи тебе.

Крылов толкнул дверь рукой и вошел в кабинет. За небольшим столом сидел командир полка, а комбат и еще один подполковник сидели на стульях, которые стояли вдоль стены.

– Товарищ полковник, командир разведывательного взвода первого батальона лейтенант Крылов по вашему приказанию прибыл.

– Присаживайтесь, Крылов, – произнес командир полка и указал ему рукой на свободный стул, который стоял напротив его стола.

Он осторожно присел на стул и внимательно посмотрел на полковника.

– Мы здесь посоветались с вашим командиром батальона и пришли к единому мнению. Приказом командира дивизии вы направляетесь для прохождения дальнейшей службы в сороковую армию, которая дислоцируется в Афганистане. Вы, Крылов, хороший командир и нам будет не стыдно направить вас туда. Учеба учебой, но боевой опыт, который вы получите там, стоит многого. Я не буду говорить об интернациональном долге, Вы это и без меня хорошо знаете. Для меня, как для командира полка, важнее совершенно другое – это боевой опыт наших офицеров. Эта война не последняя для нас всех, и люди, прошедшие Афганистан, станут тем золотым фундаментом, на котором будет стоять наша современная армия.

Крылов сидел и молчал. Радоваться было нечему, но и горевать он тоже не хотел. Выбирая себе военную специальность, он хорошо понимал, что может настать такой момент, когда родина пошлет его туда, где нужно будет отстаивать ее интересы с помощью оружия. И вот этот момент настал.

– Что вы скажете? – спросил его полковник.

– Я готов выполнить любой приказ Родины, – встав со стула, отчеканил он.

– Вот и хорошо. Командир батальона скажет вам, кому передать ваше подразделение и объяснит, как действовать дальше. Спасибо тебе, старший лейтенант.

– Я пока лейтенант, товарищ полковник, – поправил он его. – Вы, наверное, ошиблись.

– Нет, я не ошибся, Крылов. Вам досрочно присвоено звание – старший лейтенант. Поздравляю и еще – вам предоставляется десятидневный отпуск. Съездите домой, побудьте с родителями.

Он крепко пожал ему руку. Крылов развернулся через левое плечо и вышел из кабинета.

* * *

Крылов сидел на кухне и с жадностью поедал щи, которые сварила по его просьбе мать. Она сидела напротив него и со слезами на глазах смотрела, как он быстро работал своей ложкой.

– Я смотрю, ты сильно изголодался, сынок? Похудел, чернота под глазами. Да и седина появилась на висках. Не рановато ли?

– Ну, хватит, мама, причитать! Я и так уж постоянно вспоминаю твои слова и жалею, что тогда тебя не послушал.

– Слушать нужно было, сынок. Я сразу, как ты пришел к нам с ней домой, поняла, что ты ей не пара. Разные вы люди. Ты человек домашний, а у нее в голове – ветер.

– Ты не права, мама. У Кати в голове не ветер, а точный расчет. Она никогда ничего просто так не делала. Если она встречалась с людьми, значит, они ей были нужны для своих каких-то целей.

– Вот и я говорю, что ты, Сашка, был для нее одной из ступенек в ее жизни.

Опустошив тарелку, Крылов посмотрел на мать. Словно читая его мысли, она встала со стула и, подойдя к плите, налила еще одну порцию щей.

– Ты знаешь, сынок, кто больше всех обрадовался твоему разводу с Катей? Ты не пове-ришь мне, если я тебе скажу об этом!

– Ну, и кто? Говори скорей, мне это очень интересно.

– Да соседка наша, Ольга Максимова, из соседнего подъезда. Удивлен? А я вот и нет. Она давно любит тебя, а ты этого не видишь. Закрылся своей Катькой от всего белого света и не видишь, что творится вокруг тебя.

– Ну, хватит мама, пилить меня.

– Я не пилю, а говорю.

Доев щи, он встал из-за стола и, переодевшись в джинсы и рубашку, вышел во двор. Сев на лавочку, Крылов достал сигарету и закурил. О том, что после этого краткосрочного отпуска он уезжает в Афганистан, он никому не говорил. Мимо него прошла молодая симпатичная девушка. Крылов невольно обратил внимание на ее фигуру, отдельно отметил ее красивые длинные ноги.

– Ну и как тебе наша Оля? – поинтересовался у него Терехов Сашка. – Цветет и пахнет. Жалко, что я не пчела, а то бы моментально сел на этот цветочек.

Крылов смерил его взглядом с ног до головы и улыбнулся.

– А что тебе мешает это сделать или ты умеешь только жужжать? Смотри, какая она красивая!

– А то, что она влюблена по уши в одного десантника, ты знаешь об этом? Ты понял это или нет?

– Да ты что? Вы, что сговорились здесь все? Ты мне о ней, мать о ней!

– Да ты открой глаза! Ты думаешь, что она просто так прошла мимо тебя?

– Я вообще ничего не думаю. Прошла и прошла.

– Дурак ты, Сашка, хоть и старший лейтенант.

– Вот что, тезка, давай заканчивай весь этот разговор. У меня, в отличие от тебя, уже имеется богатый семейный опыт. Все именно так и начинается, но печально заканчивается.

Он встал со скамейки и направился в военный комиссариат, чтобы сделать отметки в своем отпускном удостоверении. Поставив две печати и расписавшись в удостоверении, прапорщик вернул ему документы.

«Куда пойти? – подумал он про себя. – Домой или погулять по городу?»

Терехов уехал в институт, второй его приятель был на работе, и Крылов решил немного побродить по улицам города. Доехав на троллейбусе до остановки «Чернышевского», он вышел и медленно побрел по улице Баумана. Остановившись около кинотеатра «Татарстан», Крылов стал изучать афишу, на которой были размещены анонсы будущих фильмов. Внезапно его взгляд вырвал из толпы народа знакомую фигуру девушки. Это была Оля. Он невольно улыбнулся ей и, повернувшись, направился в ее сторону.

– Здравствуй, Оля! Как учат нас в разведшколе, если ты дважды видишь человека в столь короткие сроки времени, значит, ты должен насторожиться. Если вы увидели этого человека в третий раз, значит, за вами установлено наблюдение. Это конечно, шутка.

– Вы что, считаете, что я за вами слежу? Вы ошибаетесь, Саша!

Лицо ее вдруг вспыхнуло. Легкий румянец украсил ее уже успевшие загореть щеки. Глаза ее сверкнули, и она демонстративно отвернулась от Крылова.

– Вы не сердитесь на меня Оля, я просто пошутил. Можно вам задать один вопрос? – Почему-то переходя на «вы», спросил он ее.

Она не ответила, однако, с нескрываемым интересом посмотрела на него.

– Скажите, Оля, что вы делаете в это время на улице Баумана?

– У меня сегодня экзамен и я сейчас направляюсь в университет его сдавать. Скажите, я удовлетворила ваше любопытство или нет?

– Как вы смотрите на то, что я вас провожу на экзамен, а после его сдачи мы сходим с вами куда-нибудь? Зайдем в кафе «Ял», съедим мороженое?

Ольга снова покраснела, и, как показалось ему, немного растерялась от его предложения. Сделав небольшую паузу, она кивнула головой. Они перешли улицу и направились вместе в сторону университета.

* * *

Весь остаток этого весеннего дня они провели вместе. После сдачи экзамена Крылов с Олей спустились на улицу Баумана, где сразу же направились в кафе «Елочка». Народу в кафе было не так много и, выбрав столик, Александр повел девушку к нему. Заказав по бокалу шампанского и мороженого, они стали непринужденно беседовать. Ольгу интересовала его личная жизнь, а если точнее, как он живет после развода с женой. Несмотря на то, что тема была ему не приятна, он довольно подробно все рассказывал ей, шутил и смеялся. В какой-то момент он почувствовал, что боль, которая словно буравчик точила его сердце, потихоньку стала исчезать.

– И что вы намерены делать дальше, Саша? Как планируете свою жизнь? Есть ли та, одна заветная, с которой вы хотите связать свое будущее?

Вопрос был задан в упор, и от него было сложно увернуться.

– Пока не знаю, Оля. Вот получил назначение на новое место службы, скоро уеду. Поживу, а там будет видно, что делать дальше. У меня внезапно созрело предложение. Давайте, перейдемте с вами на «ты». Наверное, и вам так будет проще, а тем более мне.

Она с удовольствием приняла его предложение. Еще минуту назад стоявшая перед ним незримая преграда моментально исчезла. Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, Крылов повернулся и увидел своего бывшего тестя, который сидел недалеко от него в окружении незнакомых женщин. Он кивнул ему головой и снова повернулся к Ольге.

– Кто этот мужчина? – поинтересовалась она. – Он уже минут двадцать не сводит с тебя глаз.

– Это мой бывший тесть.

– Я почему-то тоже сразу подумала об этом, когда он стал показывать на тебя этим женщинам.

Он снова обернулся назад и посмотрел на тестя. Владимир Павлович сделал ему знак рукой, приглашая выйти с ним на улицу.

– Оля, ты меня извини, но мне нужно выйти на минутку. Я сейчас, одна нога там, другая здесь.

Она мило улыбнулась. Крылов встал из-за стола и направился к выходу.

– Здравствуй, Саша! Какими судьбами ты оказался в Казани?

– Прибыл в отпуск.

– Я недавно был в Москве и встречался с дочерью. Она устроилась очень хорошо. Работает заведующей терапевтическим отделением в больнице четвертого Главного управления Минздрава. В этой больнице лечатся члены ЦК КПСС.

– Извините меня, Владимир Павлович, но мне это не интересно. Для чего вы мне это все рассказываете? Хотите, чтобы я порадовался ее успехами и достижениям?

– Я думал, что тебя интересует ее судьба? Ведь ты ее так любил!

– Все это в прошлом, уважаемый Владимир Павлович. Судьба вашей дочери мне совершенно безразлична. Я вычеркнул из своей памяти ее имя.

– Я не верю тебе, Саша. Скажи, что ты врешь, что тебе по-прежнему ее не хватает. Я же вижу...

– Извините меня, Владимир Павлович, но меня ждут, – произнес Крылов и направился обратно в зал кафе.

– Ну, как поговорили? – поинтересовалась Ольга у него.

– Да, Оля, поговорили. Все точки в жизни уже расставлены. Сейчас поставлена последняя жирная точка. Если ты не против этого, то пойдем отсюда. Не хочу больше видеть этого человека.

Встав из-за столика, они вышли из зала.

* * *

Десять дней отпуска пролетели, словно один день. Утром он собрал свой небольшой багаж и сложил все в небольшую спортивную сумку. Крылов сидел дома и ждал, когда к нему зайдет Ольга. Накануне он узнал от Терехова Сашки, что девушка поругалась с матерью, которая была категорически против ее встреч с ним.

Но это было вчера, а сегодня Крылов сидел дома и ждал ее. Время шло, а Ольги все не было. Он достал из кармана сигареты и вышел во двор покурить.

Из соседнего подъезда вышла Ольга и, увидев его, чуть ли не бегом, направилась в его сторону. Крылов обнял ее и прижал к груди. Краем глаза он видел, как за этой встречей наблюдали десятки глаз жильцов дома.

– Ты знаешь, Саша, моя мама против наших встреч. Говорит, что я дура, что я зря связалась с тобой.

– Я слышал об этом. Мне уже ребята все рассказали. И что ты решила, Оля?

– Что я могу решить, милый, если я тебя люблю с самого детства. Ты даже не представляешь, сколько это лет.

– А что я плохого сделал твоей матери, что она так относится ко мне?

– Она считает, что от нормального мужчины жена не уходит. Раз ты разведенный, значит, для этого были какие-то причины.

– Она права. Причин было много, я тебе о них уже рассказывал. Теперь ты стала взрослой и, наверное, сама должна решать, как и с кем, тебе жить дальше.

Крылов прогулялся с Ольгой вокруг дома и снова вернулся к подъезду. Александр быстро поднялся к себе в квартиру и, обняв на прощание мать, забрал сумку с вещами и вышел во двор. Во дворе его уже ждали ребята. Попрощавшись с ними, он с Ольгой поехал на железно-

дорожный вокзал. Заметив в привокзальном скверике пустующую лавочку, он предложил ей присесть и немного поговорить. Ему было интересно наблюдать и слушать Ольгу. Иногда ее мысли вызывали у него улыбку, а иногда, наоборот, заставляли по-другому взглянуть на знакомые ему вещи.

Крылов посмотрел на часы. До прибытия поезда оставалось минут двадцать. Ольга сидела и молча, о чем-то думала. Он невольно вспомнил этот вокзал, его отъезд в Витебск, Катины слезы и ее жаркие слова о любви. Ольга словно почувствовала все это и прижалась к нему.

– Саша! Ты будешь писать мне? Я тебе буду, каждый день.

– И я, буду, – коротко ответил он ей, – если будет для писем время.

– Ты даже не представляешь, какой счастливой была я все эти десять дней. Все мои подружки чуть не лопнули от зависти, когда узнали, что я встречаюсь с тобой.

– Да брось ты, Оля! Я же не Ален Делон. А обычный человек...

– Это тебе так кажется. А на самом деле, ты очень красивый мужчина, и этот берет десантника, делает тебя еще неотразимей.

– Не болтай глупости, Оля, – рассмеялся Крылов. – Ну что, пойдём. Сейчас подадут поезд.

Они встали со скамейки и, не торопясь, направились на вокзал. Поезд почему-то подали на второй путь. Они перешли через мост и оказались на перроне. Около переходного моста сидела группа молодых ребят, похожих на студентов, и под гитару пела песни. Они невольно остановились около них и стали слушать:

*«Ты получишь письмо, как обычно, без марки — солдатское,
Торопливо прочтешь, а быть может, не станешь читать,
Обращаюсь к тебе не за помощью и не за ласкою,
Не пришлю никогда я в твой дом почтальона опять.»*

– Какая грустная песня, – тихо произнесла Ольга.

– Это жизнь. Солдата всегда ждать трудно, уходит ли он на войну или на мирную службу.

– А я тебя все равно буду ждать, что бы с тобой не случилось. И ты, Саша, это должен знать и всегда помнить об этом.

– Мне хочется верить в это, Оля.

Она обняла его и поцеловала. Они еще долго стояли на перроне, застыв в поцелуе. Мимо них торопливо проходили люди, но они никого не видели. Наконец ему удалось оторвать себя от ее губ. Он ее еще раз ее поцеловал и побежал к своему вагону, так как поезд уже тронулся. Заскочив на подножку вагона, он посмотрел назад. Ольга стояла на перроне и махала ему рукой.

*Афган, Афган, ты продолжаешь сниться
Ребятам тем, что вышли из огня.
Хранит альбом друзей погибших лица,
И обелиски — ваши имена.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Афганистан

В конце апреля Крылов прибыл в Афганистан. Кандагар, словно город призрак, кривился в мареве от жары. На аэродроме его ждал представитель полка.

– Садись, старший лейтенант, – предложил он, указывая ему рукой на БТР, – другого транспорта здесь нет.

Он закинул свою сумку и, забравшись на броню, сел на какой-то ватный матрас, оставленный кем-то из солдат. Он стукнул по броне, и БТР, выбросив из себя столб черного дыма, двинулся вперед. Слева и справа от дороги зеленели поля. Бронированная машина медленно втягивалась в город.

– Ну, как? – обратился к нему сопровождающий, – впечатляет? Ничего, товарищ старший лейтенант, скоро привыкните.

Дорогу то и дело перебегали дети, одетые в какие-то непонятные одежды – рубашки до самой земли, из которых мелькали их грязные пятки. Где-то рядом громко кричал с минарета мулла, призывая правоверных к молитве.

– Далеко до части? – поинтересовался он у сопровождающего его прапорщика.

– Город проедем, а там и рукой подать, – ответил он.

Улицы города были похожи между собой, и у Крылова первоначально создалось впечатление, что он едет по одной нескончаемой улице. Дома, лица мужчин, заросшие бородами, превратились в какой-то один мазок художника. Наконец, город стался за спиной, и БТР, увеличив скорость, словно стрела помчался к небольшим постройкам, которые виднелись впереди. Крылов спрыгнул с брони и, взяв с собой сумку, направился вслед за прапорщиком. Они прошли мимо часового и поднялись на второй этаж здания. Дежурный офицер проверил у него документы и рукой указал на потрескавшуюся от времени дверь.

– Вас ждут, – произнес офицер. – Удачи, старший лейтенант.

Крылов доложил командиру полка о своем прибытии. Полковник поднялся из-за стола и подошел к нему.

– Я вот смотрю, ты командовал в Витебске разведывательным взводом, старший лейтенант. Выходит, это дело знаешь от «а» до «я». Мне как раз нужен такой специалист. Три дня назад при выходе на дорогу погиб командир отряда разведки полка. Погиб глупо – подорвался на mine. Сможешь его заменить?

– Постараюсь, товарищ полковник, – не совсем уверенно ответил Крылов. – Одно дело учить, другое – воевать.

– Правильно говоришь, старший лейтенант. Ты уж постарайся, другого, кого можно назначить на эту должность, у меня просто нет. Помогать тебе будет лейтенант Белоусов. Он тоже, как и ты окончил Рязанское училище. Думаю, что вы найдете общий язык. А сейчас пойдем, я представлю тебе офицерам полка.

Процедура была вполне штатной и не заняла много времени. В заключение, командир полка пожелал ему успеха и, похлопав по плечу, посоветовал ему не расслабляться. Крылов сел в ожидавший его ЗИЛ и отправился к месту службы. Отряд общей численностью в тридцать два человека размещался в небольшом здании бывшего медресе. При подъезде Крылов невольно обратил внимание на стены здания, которые были все в следах от пуль. Ранее численность отряда составляла более сорока человек, но после ночного нападения на базу моджахедов численность его сократилась до тридцати двух. Охрану базы нес взвод солдат из стрелкового батальона, который был расквартирован в пяти километрах от них.

– Ну, что командир? – обратился к нему лейтенант Белоусов. – Пойдем, познакомлю тебя с твоим хозяйством. Скажу честно, хозяйство хоть небольшое, но требует определенного внимания. Это наш старшина. Фамилия его Нестеренко, зовут Глеб Степанович. Он на «дорогу» у нас не ходит, но отлично знает все тонкости хозяйственной деятельности. Поэтому у нас всегда есть, что поесть и что выпить.

Старшине было около тридцати лет. На его круглом, словно луна лице выделялись большие обвисшие усы. Внешне он чем-то напоминал Владимира Мулявина – солиста ансамбля «Песняры».

Крылов в сопровождении Белоусова и старшины переходил из одного помещения в другое. Белоусов, не останавливаясь ни на минуту, все докладывал и докладывал ему о состоянии отряда. Остановив его, Крылов задал ему главный и интересующий его на этот момент вопрос:

– Скажите, лейтенант, как часто группа выходит на «дорогу»?

– Все зависит от разведанных. Иногда раз в неделю, иногда один раз в две недели. Чаще всего уходим на две недели сразу.

– Слушай, Белоусов, давай перейдем на «ты». Это я в присутствии подчиненных тебе командир, а так я хочу, чтобы мы с тобой подружились.

– Я не против этого. Так действительно проще общаться. Да и группа у нас, как одна семья. Ты, наверное, знаешь, командир, что Кандагар полностью окружен моджахедами. До границы с Пакистаном всего двести километров. Каждый месяц сотни крестьян уходят за кордон, чтобы вернуться через три месяца хорошо обученными и вооруженными бойцами Аллаха. Они охотятся на наши воинские колонны, мы – на их караваны, которые тащат из Пакистана оружие и опий-сырец. Каждый день стычки, так что на спокойную жизнь особо не рассчитывай.

– Ты знаешь, я пока добирался до города, видел наши разбитые колонны. Вся дорога усыпана сожженными машинами и боевой техникой.

– А что, ты хотел? Они вооружены лучшими образцами оружия. Чего только у них нет для того, чтобы убить нас.

– Я понял тебя, Белоусов. Спасибо. А сейчас поднимай отряд, буду знакомиться с личным составом.

Через пять минут Крылов обходил строй десантников, останавливаясь перед каждым из них. Они с таким же с интересом рассматривали его, как и он их.

– Кто готовится к демобилизации, выйти из строя! – скомандовал он.

Из строя вышли восемь человек. Он повернулся к своему заместителю.

– Товарищ лейтенант! С сегодняшнего дня эти бойцы отстранены от боевых операций, – произнес Крылов. – Они уже полностью отдали свой долг Родине и теперь пусть готовятся к возвращению домой.

Он сделал паузу и посмотрел на реакцию бойцов. Строй молчал, и трудно было понять, как десантники оценили его первый приказ.

– У вас до отправки есть еще две недели и сейчас займитесь чем-то другим, а не боевыми операциями, – продолжил Крылов.

– Теперь, я хочу познакомиться с вами.

Он снова пошел вдоль строя и стал останавливаться перед каждым бойцом, который называл ему свою фамилию, воинскую специальность и срок службы. Из тридцати двух бойцов, стоявших в строю, новобранцев был всего четверо.

«Это хорошо, – подумал он. – Опыт – это большое дело».

Крылов распустил бойцов и направился к себе. Его кабинет был достаточно большим, по местным меркам, площадью около шестнадцати квадратных метров. В углу размещалась металлическая койка, заправленная серым солдатским одеялом, а посреди комнаты стоял красивый резной стол, доставшийся подразделению при тушении пожара в одном из богатых

домов города. Он осторожно провел по столешнице рукой, отмечая про себя великолепную работу мастера-краснодеревщика.

– Я думаю, товарищ старший лейтенант, вам понравилась комната? – спросил его Белоусов.

– Спасибо, Андрей. Мне действительно нравится здесь. А теперь, давай, перейдем к делам. Что есть из штаба?

Белоусов посмотрел на него и, достав из полевой сумки карту, разложил ее на столе. Они нагнулись над развернутой картой. Андрей взял остро отточенный карандаш и стал им водить по карте.

– Сегодня утром пришел приказ. Группе поставлена следующая задача, – произнес он. – Нам необходимо выйти вот в этот район, товарищ командир, и заблокировать вот эту дорогу.

Он провел карандашом по карте и замер на еле приметной точке.

– По данным армейской разведки, по этой дороге должен пройти отряд полевого командира Муллы Маланга, численностью свыше ста человек. Наша задача – остановить его и нанести на его уничтожение нашу авиацию.

– Каким образом мы должны выйти на эту точку? – спросил его Крылов.

– Для этого нам выделяют две «восьмерки». Идем двумя группами.

– Выходит, что нас должно быть не больше двадцати человек, я правильно тебя понял, Белоусов?

– Все правильно, товарищ командир. Две группы, по восемь человек в каждой. Одну из групп поведу я, а другую – вы. Мы раньше всегда так делали с покойным командиром.

– Хорошо, не будем нарушать старую традицию. Расскажи, как он погиб?

– Погиб? Как здесь погибают, по-глупому. Он подорвался на итальянской мине. Ему оторвало обе стопы. Пока несли, он истек кровью.

Крылов промолчал. Он просто зрительно представил себе носилки, на которых лежит истекающий кровью человек. Ему захотелось задать еще один вопрос, как так, что человек, провоевавший в Афганистане четыре года и не раз смотревший в глаза смерти, мог вот так просто взять и подорваться на мине, но он не стал задавать ему это вопрос.

– Готовь группу к выходу, – приказал он Белоусову. – О готовности группы доложите.

Лейтенант вышел из кабинета, а Крылов, бросив на кровать свою сумку, стал раскладывать свои вещи.

* * *

Это был его первый выход на «дорогу». Одно дело – учить солдат, другое дело – самому испытать все тяготы этого рейда. Крылову казалось, что все бойцы его отряда внимательно наблюдают за ним, что каждая его маленькая ошибка вызывает у них снисходительную улыбку.

Он обошел строй десантников, которые отправлялись в рейд. Перед каждым из них на плащ-палатках лежали автоматы, пулеметы, пулеметные ленты, одноразовые гранатометы, гранаты и другие предметы воинского снаряжения.

– Кто не готов к рейду, кто болен, выйти из строя! – скомандовал он.

Строй не шелохнулся. Он посмотрел на Белоусова, который стоял сбоку от него.

– Выход в двадцать часов. Всем быть готовыми. Старшине выдать дополнительное количество боеприпасов.

Развернувшись, он направился к себе в комнату. Положив на стол автомат, полученный у старшины, Крылов стал разбирать и смазывать его. Вскрыв цинк с патронами, он наполнил ими магазины автомата.

Неожиданно дверь комнаты приоткрылась, и в проеме двери показалось круглое лицо старшины.

– Разрешите войти, товарищ старший лейтенант?

Он махнул ему рукой. Старшина тихо вошел в его комнату и положил перед ним на стол финский нож в кожаных ножнах.

– Что это, старшина?

– Нож, – коротко ответил тот.

– Я и так вижу, что это нож. Откуда он у вас и почему вы решили подарить его мне?

Старшина немного замаялся, так как не знал, как он отреагирует на его поступок.

– Товарищ старший лейтенант, это нож погибшего командира группы Карачаева. Он всегда говорил мне, что если он погибнет в рейде, чтобы я передал этот нож новому командиру группы.

Крылов вытащил нож из ножен и посмотрел на него. Это был первоклассный нож, времен Великой Отечественной войны. На лезвии ножа чернела гравировка: «Моя честь – в моей верности». Крылов сунул его в ножны и посмотрел на старшину.

– Откуда у него этот нож, вы не знаете?

Тот пожал плечами и, пятясь спиной, исчез за дверью. Взглянув на часы, Крылов стал быстро одеваться. Через минуту он вышел во двор и стал наблюдать за десантниками. Построив отряд, он обошел строй и, убедившись в полной готовности группы, дал команду на посадку. Десантники быстро забрались в кузов ЗИЛа, и машина, мирно урча мотором, тронулась с места.

Он сидел в кабине рядом с водителем и смотрел на дорогу, вернее на то, что можно было увидеть в свете автомобильных фар. Машина, словно какое-то фантастическое существо, плыла в темноте, и только узкий луч автомобильных фар, словно нож, разрезал эту черноту на части. Автомобиль скрипел и мотался из стороны в сторону. Крылов достал из кармана сигареты и хотел закурить.

– Не стоит, товарищ командир, – предупредил его водитель. – Снайпера духов не спят.

Крылов невольно сунул сигарету в пачку и снова уставился в луч автомобильных фар, который выхватывал из темноты то большой валун, то куст. Наконец, грузовик сбросил скорость, и остановился около полосатого шлагбаума. Он вышел из машины и направился в сторону солдата, на груди которого сверкал огонек фонарика.

– Командир разведгруппы старший лейтенант Крылов. Позови командира, – приказал он часовому.

Через минуту машина, минуя КПП, медленно двинулась дальше и остановилась около больших армейских палаток. Около одной из них Крылов увидел группу летчиков.

– Привет! Прибыли? – спросил его один из них. – Высаживай людей, сейчас вылетаем.

Десантники быстро выгрузились из кузова машины и по приказу Белоусова построились на площадке.

– Первая группа, за мной! – скомандовал Крылов и направился вслед за летчиками.

Разместившись в вертолете, они стали ждать взлета. За бортом машины раздался шум двигателя, который стал нарастать с каждой секундой. Машина вздрогнула и оторвалась от земли. Он посмотрел на лица десантников. Ни одной улыбки, ни одной шутки, лица словно вырублены из гранита. Крылов прильнул к иллюминатору, за ним – сплошная темнота, ни одного огонька на земле. Неожиданно темноту ночи разорвала огненная цепочка светлячков, которая с земли устремилась в их сторону. За одной цепочкой последовала вторая, третья, и вскоре он сбился со счета. Вспышки появлялись в разных местах, количество светящихся цепочек с каждой минутой все росло и росло. Было ясно, что машина попала в зону обстрела. Вертолет, взревев моторами, завалился влево и быстро ушел в сторону.

* * *

Они десантировалась в районе кишлака Тахсильдар провинции Кандагар около двух часов ночи. Несмотря на темноту, отряд быстро собрался вместе. Крылов обошел строй и остался доволен тем, что в этом ночном десантировании обошлось без всяких непредвиденных

случайностей, так как именно при высадке ночью, десантники получают различные травмы, начиная с вывихов и ушибов, заканчивая серьезными переломами конечностей.

– Травмированных бойцов нет? – еще раз уточнил он.

Строй молчал.

– Это уже хорошо, – подытожил он и стал доставать из полевой сумки карту.

Крылов усмехнулся над собой, ему стало смешно, что он в такой темноте хотел сориентироваться на местности. Разделившись на две группы, они скрытно двинулись к намеченной на карте точке. Уже через несколько метров Крылов ощутил небывалую тяжесть в ногах. Сердце учащенно застучало, а лоб покрылся испариной. Все эти ощущения присущи высокогорью и, несмотря на его достаточно высокую физическую подготовку, он понял, что не успевает за своей группой. Десантники тоже поняли его состояние и автоматически сбросили скорость передвижения.

– Тяжеловато, товарищ командир? – поинтересовался у него один из бойцов. – Давайте я вам помогу...

Он кивнул ему головой.

– Ничего, скоро станет легче. Это без привычки. Потерпите немного.

Постепенно небо на востоке сначала посерело, а потом окрасилось в золотистый цвет. Рассвет застал их на контрольной точке. Выставив боевое охранение, Крылов скинул с себя мешок, набитый боеприпасами, и, словно куль с песком, повалился на влажную от росы землю. Сильно ныли уставшие ноги. Чтобы снять усталость, он положил их на высокий камень. Радист сел недалеко от него, развернул радиостанцию и вышел в эфир. Минут через двадцать к ним подошла вторая группа бойцов, которую привел Белоусов. Заметив его знак, Крылов встал с земли и отошел с ним в сторону. Белоусов подошел поближе и, стараясь говорить не так громко, доложил:

– Командир, у нас ЧП. Разведчики при движении наткнулись на местных пастухов. Троих они вынуждены были убрать, однако четвертый – мальчишка лет восьми, успел скрыться. Мы пытались найти его, но темнота не дала.

Это было неожиданное сообщение для Крылова, так как он считал, что они прошли весь свой путь скрытно для противника, и вдруг.

– Плохо, Андрей. Сейчас этот мальчишка расскажет о встрече с нами. А я считал, что нам удалось скрытно пройти путь. Ты тщательно разберись с этим случаем, я не хочу больше подобных проколов – произнес Крылов. – Считаю, что эффект неожиданности нами утерян. Я больше чем уверен, что за нами вот-вот начнется охота.

– А вдруг мальчишка ничего не расскажет, командир? Может, он ничего и не видел?

– Вряд ли, – произнес Крылов. – Чудес не бывает. Если бы не видел, то и не прятался бы от вас. Так, что будем делать? Что предложишь?

Белоусов на секунду задумался и посмотрел на отдыхающих бойцов. Неожиданно он произнес:

– Разрешите, я лично возглавлю группу? Мой прокол, мне и нести ответственность за это. Я возьму троих бойцов, и мы вернемся обратно. Посмотрим, что делается там, на месте.

– Ты, что Андрей? Ты уже не доверяешь своим бойцам? Это плохо.

Заметив недовольную гримасу на его лице, Крылов продолжил:

– Хорошо, я не против твоего предложения. Пока вы осуществляете разведку, мы переместимся вот в эту точку и будем ждать тебя там. А ты, поднимай своих людей и посмотри, что там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.